

ХУЛИАН ГРИМАУ
 ЮЛИУС ФУЧИК
 НИКОС БЕЛОЯННИС
 ЭЛЕКТРА АПОСТОЛУ
 АНТОНИО ГРАМШИ
 КАТАРИНА ЭУФЕМИЯ
 ЖОЗЕ ДИАН КОЭЛЬО
 БЕНТУ ГОНСАЛВИШ
 ДАНИЕЛЬ КАЗАНОВА
 ГАБРИЕЛЬ ТЕРИ
 ЯНУШ КОРЧАК
 ЖЮЛЬЕН ЛЯО
 ЧАН ФУ
 ЛЕ ХОНГ ФОНГ
 НГУЕН ВАН ЧОЙ
 АУГУСТО СЕСАР САНДИНО
 ФАРАБУНДО МАРТИ
 ХУЛИО АНТОНИО МЕЛЪЯ
 ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА
 САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ
 ВИКТОР ХАРА
 АБРАХАМ ФИШЕР
 СТИВЕН БИКО
 ВУЙИСИЛИ МИНИ
 АЛЬБЕРТ ДЖОН ЛУТУЛИ
 ФЕЛИКС РОЛАН МУМЪЕ
 ФАХИД ФАХЕД
 КАМАЛЬ НАСЕР
 ТАССАН КАНАФАНИ

И.В. БАБУШКИН
 Н.Э. БАУМАН
 В.Б. БАНЕВУР
 П.Л. ВОЙКОВ
 В.В. ВОРОВСКИЙ
 Я.А. ГАЛАН
 С.Г. ЛАЗО
 А.В. УХТОМСКИЙ
 М.С. УРИЦКИЙ
 ЖАННА ЛЯБУРЬ
 НИКОЛА САККО
 БАРТОЛОМЕО ВАНЦЕТТИ
 ДЖО ХИЛЛ
 МАРТИН ЛОТЕР КИНГ
 КАРЛ ЛИБКНЕХТ
 РОЗА ЛУКСЕМБУРГ
 ЭРНСТ ТЕЛЬМАН
 БЕРНЕР ЗЕЛЕНБЕРГЕР
 ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА
 ОРЛАНДО ЛЕТЕЛЬЕР
 КАРЛОС ПРАТС
 БЕРНАРДО АЛЬВАРАДО МОНСОН
 УБЕРТО АЛЬВАРАДО АРЕЛЬЯНО
 ЖОЗЕ МОНТЕНЕГРО ДЕ ЛИМА
 ДЕРЛИС ВИЛЬЯГРА
 КАСТАНЬЕДА ЛЕОН
 АМИЛКАР КАБРАЛ
 ПАТРИС ЛУМУМБА
 МАРИАН НГУАБИ
 ЭДУАРДО МОНЦЛАНЕ

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Январь, 1982 год. № 1

В НОМЕРЕ:

«Я ДУМАЛ О НЕБЕ» И
ДРУГИЕ ОЧЕРКИ О ЗА-
МЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЯХ,
ЧЬЯ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
БЫЛА ПОДВИГОМ ВО
ИМЯ НАРОДНОГО СЧАСТЬЯ

На первой странице обложки: не-
счастье имен самоотверженных героев, павших в борь-
бе за счастье народа, за славное будущее челове-
чества.

4. СМОТРИТЕ

- 6. А. Поликовский. Я ДУМАЛ О НЕБЕ
- 10. Н. Чугунова. «ЧЕ, ИБО ТАКОВО МОЕ НОВОЕ ИМЯ»
- 13. В. Симонов. ВЕРЮ В СВОЮ СЧАСТЛИВУЮ ЗВЕЗДУ
- 16. Педро Корреа Васкес. «ДОБРЫЕ ДЕТИ ЛУГА»
- 20. Стефан Хермлин. НО ПРЕВЫШЕ ВСЕГО БЫЛО ДЕЛО
ЕГО
- Петер Эдель. Я — КОММУНИСТ
- 23. Феликс Бурташов. «ЧИФ» ЛУТУЛИ
- 26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
- 28. Л. Захаров. А, ЭТО МУЗЫКА С ЯМАИКИ?
- 30. Ульрих Кайзер. ГАЗОН — СВЯТЫНЯ?

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АР-
ТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ,
А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ,
А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССА-
РОВ [зам. главного редактора], В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРО-
ШУНИНА [ответственный секретарь], Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская
ул., 5а.

Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка
материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 13.11.81. Подп. к печ. 18.12.81. А01478.
Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-
изд. л. 5,3. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1891.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издатель-
ства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и
типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВЕНА. Здесь опубликовано воззвание организато-
ров манифестации за мир и разрядку, среди участни-
ков которой — сотни австрийских юношей и девушек.
«Мы требуем, — говорится в воззвании, — отказа от на-
товского плана размещения в Западной Европе новых
американских ракет средней дальности. Мы выступаем
против решения Вашингтона начать производство нейт-
ронного оружия, которое предназначено для примене-
ния на Европейском континенте в случае возникнове-
ния военного конфликта. Мы требуем перевода всей
военной промышленности на мирные рельсы. Необходи-
мо остановить гонку ядерных вооружений в Европе.
Вместо проведения политики «с позиции силы» нужен
международный диалог по вопросам обеспечения проч-
ного мира на земле, необходимы переговоры между
Востоком и Западом по вопросу о сокращении имею-
щегося оружия массового уничтожения».

НИКОСИЯ. Кипрская молодежь активно участвует в
сборе подписей под воззванием против производства
Соединенными Штатами нейтронного оружия. В воз-
звании говорится, что народ Кипра осуждает решение
администрации США приступить к производству нейт-
ронного оружия и считает его действиями, толкающими
человечество к ядерной катастрофе. Есть только один
путь к миру — это путь разрядки международной на-
пряженности, переговоров, всеобщего и полного раз-
оружения.

ГАМБУРГ. «Те, кто окажется внутри 400-метровой зо-
ны смертоносного действия нейтронного оружия, по-
гибнут сразу; оставшиеся вне этой зоны будут умирать
долгой и мучительной смертью», — было написано на
плакатах, которые несли участники Гамбургского марша
протеста против размещения на территории ФРГ ядер-
ного оружия США.

На сцене: «Мы не хотим умирать ни в смерто-
носной зоне, ни за ее пределами», «Нет ничего более
важного на земле, чем мир!» — скандировали участни-
ки марша.

КАНБЕРРА. Прогрессивная общественность Австралии, в том числе студенческие и молодежные организации страны, активно выступают против решения администрации Рейгана о производстве нейтронного оружия. Генеральный секретарь Социалистической партии Австралии Питер Саймон заявил, что «для всех людей доброй воли, которые хотят мира, это решение должно стать предупреждением о том, как много еще предстоит сделать, чтобы остановить безумцев, играющих с будущим человечества».

ПОРТУ. В этом португальском городе перед зданием генерального консульства США состоялся митинг под лозунгом «Во имя мира на земле — нет нейтронной бомбы!». Консульству США была вручена петиция протеста против решения президента Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Сотни португальских юношей и девушек поставили свои подписи под этим документом.

БРЮССЕЛЬ. Более шести тысяч представителей бельгийской молодежи, приехавших со всех уголков страны, провели в центре Брюсселя манифестацию против размещения новых ядерных ракет в Европе и производства нейтронного оружия. Манифестанты продемонстрировали решимость молодого поколения Бельгии не допустить на бельгийскую землю американские ракеты, внести свой вклад в дело защиты мира, добиваться сокращения военных расходов.

ПАРИЖ. Эстафету мира пронесли французские юноши и девушки от Тулузы до Оша, где состоялся массовый митинг. Собрание молодежи в защиту мира состоялось в Сен-Бри. В разных департаментах страны идет сбор подписей под петициями против размещения нового американского ракетно-ядерного оружия средней дальности в Западной Европе.

На снимке: примерно так будет выглядеть наша планета после взрыва нейтронной бомбы — предупреждают молодые французы.

БУДАПЕШТ. Всемирная федерация демократической молодежи потребовала немедленной отмены решения о производстве нейтронного оружия. В своем заявлении она назвала нейтронную бомбу «одним из самых изощренных средств массового истребления людей».

ЛОНДОН. По всей Великобритании проходят массовые выступления молодежи против решения американской администрации о начале производства нейтронной бомбы и планов размещения в Западной Европе новых американских ядерных ракет. За последние месяцы тысячи людей вступили в организацию Кампания за ядерное разоружение, число ее отделений на местах возросло с 60 до 750. В заявлении Кампании за ядерное разоружение сказано: «Решение президента Рейгана знаменует собой еще один опасный виток в гонке вооружений и еще на шаг приближает нас к нашей собственной смерти». «Недостаточно просто осудить это оружие и решение о его производстве. Сейчас, чтобы выжить, необходимы массовые выступления за отмену решения Рейгана. Нейтронная бомба — это часть безумного плана ядерной войны, в которой Европа будет сознательно принесена в жертву» — так пишет газета английских коммунистов «Морнинг стар».

На снимке: «Нет американским ядерным ракетам!», «Хиросима не должна повториться!» — говорит молодежь Великобритании.

РИМ. Многотысячные демонстрации итальянской молодежи влились в мощный поток антивоенных выступлений населения стран Западной Европы против размещения на территории этого континента американских ядерных ракет. В Барчеллоне, Венеции, Вероне и других городах страны состоялись массовые демонстрации.

На снимке: «Стоп — нейтронной бомбе!», «Нет!» — атомным ракетам! — написано на транспарантах, с которыми вышли на демонстрацию перед зданием американского посольства в Риме студенты, молодые рабочие и служащие.

НАВСТРЕЧУ XIX СЪЕЗДУ ВЛКСМ

смотрите!

Жизнь всех людей на земле может и должна быть такой, какой она запечатлена на этих снимках: наполненной радостью любви, свободного труда, счастливого материнства и детства. Человечество существует для счастья. Человечество борется за него.

Впечатляющи победы, завоеванные народами в этой борьбе, но не счастье и жертва, принесенных во имя их достижения.

В неугасимой памяти о тех, кто отдал свою жизнь за народное счастье,— залог будущего. Их сотни тысяч — революционеров, их миллионы в нашей стране — отстаивавших завоевания Октября в Великой Отечественной, они есть у каждого народа и в каждой стране.

Павшим в борьбе за правое дело, за свободу своих народов посвящаются материалы этого номера. В них рассказывается о жизненном пути героя гражданской войны Сергея Лазо, пламенного революционера Эрнесто Че Гевары, великого испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки, самоотверженного патриота свободной Африки Патриса Лумумбы, известного немецкого антифашиста Вернера Зеленбиндера, мужественного борца с расизмом Альберта Джона Лутули...

Все они были убиты — сожжены, казнены, расстреляны. Все они — жертвы мирового империализма, на совести которого загубленны жизни этих и миллионов других известных и неизвестных героев международного коммунистического и рабочего движения, самоотверженных борцов за народное счастье.

В 1821 году Пушкин был в Кишиневе, посещал дом Михайлы Орлова, где собирались местные радикалы, обедал у Инзова, где проповедовал войну народов с королями, размышлял о вечном мире и ухаживал за женами чиновников, чтобы потешиться злостью их мужей. Товарищем его и соперником был Алексеев, тридцатилетний офицер. Вдвоем они ухаживали за Марией Эйхфельдт, гречанкой и женой немца. Все было тут — и объяснения, и ревность, и свидания, и записки — и все несерьезно.

Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь;
Она прелестная Лаура,
Да я в Петrarки не гожусь.

Эта красавица-не-дура была прабабушкой Сергея Лазо.

Отец Сергея, Георгий Иванович, бессарабский дворянин, находился под надзором полиции и был исключен из Петербургского университета в 1887 году. Он зарылся в своих деревеньках Пятры и Езорены. Он был по натуре человек рассудочный и деспот; жизнь сыновей прочертил, их не спросив: до 16 лет жить им в деревне и учиться под его руководством, а потом сдать все экстерном за шесть лет. По утрам холодные обливания; работа в поле; прогулки в дождь; езда верхом — все это дети совершали под неустанным контролем отца.

Сергей делал все, что от него требовали: чинил себе сапоги, писал сочинение о характере Александра Македонского, учил латынь, обшивал корзины марлей и разгружал шарабан с морковью. Но, кроме этого, реально-го и трудового, мира, был еще и иной — таинственный, сокровенный. Он выдумывал будущее, какие открытия сделают ученые и не будут продавать их промышленникам, а отдадут народу. Он любил подлгу смотреть в глубокие колодцы. В 11 лет он записывал в дневник с античной простотой: «Лежа в постели, по обыкновению я раздумывал обо всем, но больше всего меня занимала природа и ее свойства...»

...жаркое лето, пыльное бессарабское лето, морщины на смуглых лицах стариков глубоки, как порезы, старики дремлют над прилавками кишиневского рынка, над виноградом, над арбузами и дынями. Фрукты так велики, что похожи на бутафорию. Летом у него не созревало ни одной важной мысли, летом дневник прерывался, летом он жил в бездумной сладкой истоме, как пион на клумбе...

Он любил обо всем думать. Во всех событиях, происходивших в усадьбе, он хотел видеть их истинное значение: все происходило не волею случая, а с какой-то целью, как крутятся колеса в часах. Он допускал, что общая цель этого движения может быть ему сейчас неясна, а откроется позднее, когда он подрастет; но пока что надо все события замечать. Записи в дневнике дотошны: изо дня в день он пишет

фразу: «Я был одет в половине восьмого, и мы пили чай в половине девятого». (Но в один из дней, когда пили чай не в половине, а в начале девятого, он записывает, что пили чай именно в начале девятого.) Мать, и братья, и тетка видели в нем обычного, не по летам высокого и сильного мальчика: взрослые мысли, дневник — все это было его тайной, все это было продумано и написано без надежды на читателя и поэтому так просто и хорошо. И в этом сочетании простого и изящного, шарабана с морковью с чтением Евангелия, предстает перед нами «естественный человек», «добрый дикарь» — мечта XVIII века, воплотившаяся в молдавском захолустье.

...осенью колкая желтая трава в полях, дожди и ночью вдруг стук града по железу и сине-зеленые вспышки на горизонте; утром уже топят камины и печи, но не дровами, а по местной традиции кукурузными початками, которые носят Сережа и Боря и маленький Степа в огромных плетеных корзинах...

...зимой редкая арба на дороге, редкий гость, ночное чтение при свече (три романа в ночь) и первый убитый заяц: за длинные уши гордо нести его обмякшую тушку. Время легкого веселья, когда в душе зреет что-то и ждет, чтобы выплеснуться записью ли в дневнике, стихами ли весной...

Весна коротка, обрыв в лето.

В Кишиневе Сергей Лазо, гимназист, причесанный на пробор, посещал с матерью дома местных общественных деятелей и перезнакомился с их дочерьми. Больше времени, чем дома и в гимназии, он проводил в доме Горе у Таси, часами говорил с ней, надеясь все же понять, кто она и любит ли он ее. Иногда неожиданно минута, слово сливали их, и тогда он видел в ней то, что хотел — себя, свое «я», только принявшее иную форму. Подольская, Ботаническая, Рижская, Мещанская, опять Подольская — они кружили по городу, он всматривался в нее и ждал откровения, ждал любви, когда это и была любовь. Он не понимал Тасю именно потому, что во всем хотел видеть значительное и по десять раз вспоминал все ее слова, думал, что они значат. Ночью он возвращался пешком домой, слышав лай собак, поворачивал и делал крюк, и думал о Тасе, признавался себе, что не понимает ее, но, в общем, она ему не нравится, но моментами и порывами он любит ее и готов для нее на все. С детства склонный к хитроумным умственным построениям, он объяснял себе, что любит не ее, а свое воспоминание о ней, потому что в воспоминаниях сглаживается все дурное и пошлое. Но вдруг ему и прошлое казалось ничтожным. Как многие молодые люди, они с Тасей любили говорить о прошлом, искать в своей прошлой жизни схожие ощущения и воспоминания —

Я ДУМАЛ О НЕБЕ

А. ПОЛИКОВСКИЙ

им было по 18 лет, и они ходили в иллюзион «Орфей» смотреть немые романтические фильмы. Дергающейся скорой походкой ходили офицеры, переходила Невский напротив магазина Елисеева Вера Холодная, скрыв лицо под клонящимися вниз, словно крылья усталой птицы, полями шляпы. Вдруг ее отчаянные глаза. Авто тормозит, крепкие шины с рубчиком протектора. В авто сидит граф.

Он приходил домой во втором часу, со страстным желанием поговорить, но все, конечно, спали; он грел на спиртовке вино, пил несколько глотков — не потому, что любил этот вкус, а потому, что становился в эти минуты в своих глазах взрослым, писал в дневник 15—20 строк и, лежа в кровати, думал о будущем, которое, как и прошлое, то представляло чудесным, то безнадежным...

Сергей Лазо приехал в Петербург с желанием трудиться. Его интересовало устройство дел в крупной промышленности: здесь он видел полную независимость человека от природы. Он поступил в Петербургский технологический институт. Он верил в необходимость всего, что делается в мире: промышленность, общество, институ-

ты были устроены так, как устроены, не случайно, а потому, что так было надо, в соответствии с каким-то общечеловеческим планом. Эта вера не удержалась в нем и полугода, а ведь он думал так с того момента, как начал думать, уже лет пятнадцать.

Он почувствовал себя как человек, пришедший на войну, а войны-то нет. Ничего нет: все омертвело, никто не занят живым делом, тянется какая-то бумажная волокита. Кончил гимназию — получил бумажку; кончил институт — получил бумажку; вокруг ходили, шуршали бумажные люди, и из него тоже хотели сделать бумажного человека. Он во всех видел безразличие к тому делу, которым собирался заниматься, и с внутренним отчаянием тоже бросился в безразличие, устроил запой безразличия, стал безразличнее всех как раз потому, что на самом деле ему не было безразлично.

Вставал он в половине четвертого дня, а до этого если не спал, то валялся. Обедая у земляков-молдаван Суручанов, в доме которых он ощутил тупел от общих разговоров. Но он не критиковал их, как сделал бы раньше, а входил в их интересы. Он придумал теорию, по которой человек должен на себе испытать не только безнравственных, но и пошлов. К ночи он

оживлялся, чувствовал прилив сил и уходил гулять.

Это был способ не принимать жизнь, какой жили все. А он жил ночью. Ночью он становился снова собой, как будто теперь быть собой можно было только в безлюдье и ночью. Что может быть холоднее и просторнее зимних петербургских улиц! Но он не мерз в своей студенческой шинели, кровь резво бежала по жилам, и столь же резво и свободно бежали мысли, освобожденные от дневных условностей. Он ночью, в этом гранитном городе, чувствовал себя единственным живым человеком, будто катастрофа унесла все население; и он, высокий, мощный, по-хозяйски мерил город шагами и обдумывал, как жить. Он думал о том, что надо бы найти дело, нужное дело; может быть, раздавать деньги, что шлет ему мать? Он чувствовал какое-то удовольствие в том, чтобы лишиться собственности. Или «испуститьсь вниз», пойти

На снимках: Сергей Лазо — гимназист; Сергей Георгиевич Лазо — руководитель партизанского движения Приморья; дальневосточные партизаны. Внизу слева: японские интервенты сфотографировались у трупов своих жертв.

на завод рабочим — сил, слава богу, хватит, интерес к промышленности у него был — и забыть таким образом все это интеллигентское нытье, стать пролетарием.

Он хотел общественно полезной человеческой деятельности, но нигде не мог приложить свои силы. Нигде он не был нужен. Люди занимались имитацией жизни. Он в одном из писем называл себя «кандидатом в лишние люди». Тысячи молодых людей во всей России чувствовали то же самое. Общественная жизнь омертвела, государство не могло дать им дела по силам и по совести. Они были уже готовы к революции, надо было только, чтобы ее кто-нибудь начал.

Эти ночные блуждания описаны им самим. В этих описаниях нельзя не заметить таланта; можно лишь гадать, во что вылилось бы это желание писать. Он слишком тосковал по настоящему делу, чтобы удовлетвориться литературным трудом; но он мог бы написать книгу, как есть писатели одной книги, в которой они выражают себя всего. А мог бы, живя деловой, реальной жизнью, вообще кончить писать.

Из дневника. Ночь 1 декабря 1913 года. «Я сидел один на Петровской набережной, и на душу мою спускался поразительный покой. Я оглянулся на полумерзшую реку, на мутное небо с луной, просвечивающей через бегущие облака, я восторгался всем, что я видел вокруг. Я медленно шел по Троицкому мосту, и у меня вырвались отрывки стихов, иногда связанные и гармоничные, а иногда настроенные, я восхищался мутной задумчивой луной, серыми туманными облаками, душа была полна, мне хотелось петь, слагать длинные звучные стихотворения — не брюсовские, не баллюкарские, но пушкинские и лермонтовские.

Я направился по набережной и дошел до Адмиралтейства; стояла тихая ночь, только дворники подметали тротуары; вот вдали Зимний дворец. А уже откуда-то несется протяжный колокольный звон. Я бодро шагал. Вот за решеткой дворец и первый фасад Адмиралтейства. Я невольно останавливаюсь, очарованный красотой этого вида... И внезапно всем существом своим я почувствовал силу бодрой жизни, кипучей, деятельной, ощущение этой жизни было некогда знакомо мне, но потом оно стерлось, исчезло. Оно уступило место поре беспризорных блужданий, внутренних исканий. И вот эти порывы и сомнения показались мне мелкими и ничтожными перед всей широтой и многообразием жизни.

Я дошел до Сенатской площади и сел на гранитную скамью набережной. Передо мной, величаво вскочив на дыбы, стоял Медный всадник, а за ним своей мощной громадой темнел Исаакиевский собор. Слышен был дальний благовест, звон колоколов то умолкал, то они гудели все ближе и слышнее. Но вот с сонных громад собора отде-

лился и поплыл мерный, торжественный звук. Сначала один, потом другой, и чем далее, тем чаще и чаще. Звонили и заутрене. Я долго сидел там. Шинель моя успела промокнуть, облепиться снегом и даже чуточку примерзнуть. Я сидел и думал... о тех тысячах людей, которые бьются о жизнь, как об лед, я думал о сером, безучастном небе. А колокола все гудели и гудели, их торжественный звон уносил душу человека туда высь...»

Люди приходили в революцию по-разному. Одни, как Луначарский, изучали марксизм с 15 лет и, поняв необходимость социализма, работали на революцию задолго до ее начала. Для других, как Коллонтай, выросших в аристократических семьях, революция начиналась с бунта против семьи. А третьи, как Лазо (студенты, интеллигенты), мучились, искали, отрицали и революцию встречали с облегчением, как с облегчением видит человек, блуждавший по лесу, поле впереди. И в 1917-м Лазо не думал, не алавшивал, не колебался, а сразу понял, что именно этого он и ждал много лет. В Иркутске, где он служил прапорщиком запасного полка, он сел за стол и написал — не очередную исповедь, не восторг и песню свободы, а деловое письмо, написал как линию провел, разделившую жизнь на две части: «С вещами я уже распорядился. Все личные бумаги, дневники и т. д. перешлю вам по почте... Чужие письма постарайся по возможности отослать адресатам или уничтожить. Передай мой братский поцелуй Боре. Думаю, Степа, ты тоже будешь революционером, как твой брат».

Первое, что выделило его в дни иркутских уличных боев, была храбрость, но храбрость особого качества. Он был храбр очень осмысленно, очень расчетливо. Он решал, что вот тут и тут, в этом месте, у этого дома, на этой улице, где захлебывалось наступление, надо проявить храбрость, — и проявлял. Но этот расчет не отнимал у него веселого упоения боем, и он, забравшись на колокольню, в азарте кидал оттуда ручные гранаты по телеге с пулеметом. Вообще, с 1917 года Лазо стал весел как от хорошей жизни. Товарищи удивлялись его веселому расположению духа в трудные минуты, а это было потому, что он радовался жизни — с 1917-го началась Жизнь, о которой он мечтал, началось Дело.

И то, как он отдавался делу, опять выделило его. Будто за все эти тоскливые, пустые годы он скопил столько сил, что теперь до конца жизни мог не отдыхать. Перечень поездок, которые он совершил с 1917-го по 1920-й, книг, которые он прочел, прокламаций, которые он написал, митингов, на которых он выступал, мостов, которые он азоровал, боев, в которых он участвовал, отрядов, которые он сформировал, удивляет и вместе объясняет, как мог-

ли большевики так прочно утвердить себя в качающейся и разваливающейся стране.

Как у человека в минуту опасности появляются невиданные силы, так у Лазо в годы революции появились невиданная память и невиданная воля. Через два года после смерти своего друга, командира Особой сотни Бориса Кларка, он прислал его вдове шесть пар обуви для ее шести детей и не перепутал ни одного размера. Воля его не знала преград, он, казалось, полностью подчинил себе материальный мир: молдаванин, он ходил по тайге зимой и не мерз; интеллигент, он валил лес и ставил избы, а нужно было для связи с корейскими и китайскими партизанами говорить на их языках, он в несколько недель начинал говорить по-корейски и по-китайски. Чтобы решить любую проблему, ему, как ясно-видящему, достаточно было взглянуть на карту, задать два-три вопроса, помолчать секунду и действовать. Он был в эти годы (как любой большевик) аккумулятором воли тысяч людей.

Чем шире разворачивались военные действия, тем выше Лазо поднимался по ступеням командной лестницы. В Красноярске прапорщик Лазо захватывал казначейства и банки; в Иркутске он был начальником гарнизона; в Забайкалье он был командующим фронтом. Он руководил борьбой против банд атамана Семенова; эти небольшие армии вели борьбу за огромные пространства, равные Швеции или Италии. Эти пространства позволяли Семенову затягивать войну, он то уходил в Маньчжурию, то возвращался снова; и, как в любой гражданской войне, тут было полным-полно хитростей и чудес. Семенов нанял парикмахера-японца, который выдавал себя за сына генерала Куроки; еще нескольких японцев он под музыку проводил по станции Мациевской: эти японцы символизировали японскую армию, ссылаясь на поддержку которой атаман старался запугать местное население. Но японская армия на помощь не приходила, а Лазо все усиливал давление. Офицеры Семенова носили с собой гражданское платье, чтобы в последний момент переодеться и исчезнуть.

Но осенью 1918 года исчезнуть пришлось Лазо. По всей Сибири пошел вдруг широкой полосой пожар — мятеж чехословацкого корпуса. Эшелоны корпуса растянулись в это время от Пензы до Владивостока, что по прямой составляет 6 тысяч километров; все прошлые военные действия могли показаться незначительной игрой.

Лазо четыре месяца продвигался по железной дороге. Были уничтожены километры путей и десятки мостов, и десятки паровозов лежали под откосом, подставив снегам и дождям свои ржавые животы; сотни вагонов стояли на путях в голом поле, брошенные неизвестно кем и когда.

На третий месяц пути Лазо увидел Амур, покрытый льдом и снегом, по-

хожий на гигантскую просеку в тайге. Поезд — черненький паровозик с шестью вагончиками, набитыми разным, необъяснимым людом, — деловито бежал меж снегов, подступавших к путям. На станциях пассажиры сходили, выстраивались цепочкой и передавали дрова к паровозу. Иногда поезд вставал на два дня — чиниться; Лазо уходил в тайгу, лазил по обледенелым скалам над рекой. Гигантские снега, гигантские деревья, гигантская река, гигантские расстояния — они словно въехали в гулливеровский Бробдингнейг. Морозы были сорокаградусные. В молчании текли мимо белые, как молоком облитые, сопки. Все было непохоже на цветной и шумливый бессарабский мир.

Во Владивостоке Лазо жил на конспиративной квартире. Он выходил из дома только ночью, дневной Владивосток был неизвестен ему. К весне 1919 года это был многолюдный город: на улицах можно было увидеть и белые круглые шапочки американских матросов, и выгоревшие под маньчжурским солнцем гимнастерки семеновского отряда, и старорежимные офицерские кители с портупеями, и зеленые с отсветом в желтизну френчики японцев. Все это чем-то напоминало Одессу, и так же, как в Одессе, сквозь внешнюю живописность быта оккупированного города проступал ужас массовых зверств интервентов.

Есть список книг, которые Лазо читал в это время, будто обильным чтением хотел возместить недостаток движения, неприятный для молодого и сильного человека: «Коммунистический манифест», «Исповедь» Руссо, «История цивилизации в Англии» Бокля, «Записки революционера» Кропоткина, трехтомник Апушкина о русско-японской войне, книга Бартлета об осаде Порт-Артура и «Этика японцев» Инчикавы.

Власть во Владивостоке официально принадлежала Колчаку, которого в пору его побед признали союзники; против Колчака боролись приморские партизаны, против которых боролись белые отряды Семенова, Вериги, Бочкарева; против Колчака выступала и областная земская дума, составленная из представителей местной промышленности и торговли, которую (думу) склонялись признать теперь, когда

Колчак исчез где-то под Иркутском, союзники, обладавшие в лице японской армии самой большой военной силой в этих местах. Большевики не могли взять власть в свои руки, потому что союзники немедленно выступили бы против них; они не могли и тормозить партизанское движение и устанавливали поэтому в освобожденных районах Советскую власть, не вступая, впрочем, в конфликт с думой. Лазо, как руководитель партизанского движения Приморья, стоял в центре этих сложных отношений; ежедневно приходилось решать, что можно уступить союзникам и думе, а что — нельзя, и в этой игре не забывать о главном: о подготовке восстания за установление Советской власти. Лазо был в эти месяцы так углублен в дело, как углублен человек, пишущий стихи или слушающий музыку; ему мешало, что он должен тратить время на еду и растопку печи. Люди, приходившие к нему с донесениями, никогда не видели его спящим, а приходили они и днем и ночью. Он в раздражении написал про них в записной книжке: «Эти люди твердили мне скучную мораль о восьмичасовом сне и необходимости отдохнуть...»

И вот 31 января 1920 года напряжение достигло предела, сгустилось в точку, стало осязаемым и вдруг лопнуло и брызнуло, как искры с бенгальского огня. Заводы встали, партизанские отряды двинулись из лесов и городов, под Никольском броневик въехал под скалу и остановился, направив пулемет на дорогу, железнодорожники насыпали битого стекла в подшипники паровозов, патрули вышли на улицы, мальчишки расклеили листовки. Колчаковцы, батальон инструкторской школы и гардемарины ушли на Русский остров. Больше уходить им было некуда, уже только в океан. Лазо же, и в час победы озабоченный и тревожный, слал в войска телеграммы, чтобы ни в коем случае не вступали в конфликт с союзниками и думой.

Лазо вышел из подполья, переехал из своей квартирki в здание следственной комиссии, где теперь помещался Военный совет думы, других войск, кроме большевистских, у думы не было. Лазо отдавал теперь приказы открыто, его знали в лицо и красноармейцы, стоявшие на часах в бараньих,

остро пахнущих тулупах, и маленькие японские офицеры, ездившие в Совет на черном, до блеска вымытом авто. Лазо был замечен в любом обществе, на любом совещании — своим ростом (он был всегда выше всех и крупнее, словно другой породы), и смуглым, нездешним цветом лица, и слегка картавой, интеллигентной речью.

В апреле калейдоскоп повернулся на градус, и вместо прежнего многоцветья настала простота. Американцы ушли, предоставив все права Антанты японцам. Каждый день приходили телеграммы о передвижении японских войск, о захвате ими туннелей и мостов. Лазо слал ответные телеграммы: «Военсовет приказывает не вызывать первыми столкновений с японцами. Всем командирам соблюдать выдержку...» Дума требовала у японского главнокомандующего генерала Ооя объяснений; и тот, улыбаясь вежливой и непонятной, как его имя, улыбкой, предлагал создать комиссию для обсуждения спорных вопросов. В комиссии японцы заинтересованно дебатировали сроки своего ухода. Напряжение опять нарастало, достигло предела и сгустилось в точку, когда японцы, словно издеваясь, вывесили на Тигровой горе во Владивостоке свой огромный флаг.

Ночью с 4 на 5 апреля 1920 года в здании Военного совета, как по команде, зазвонили десятки телефонов. По ночному городу с планами города в руках шагали японские офицеры с непроницаемыми лицами; они вели ровные, в такт шагу покачивающиеся колонны солдат в белых обмотках. В здании Военного совета горели все окна, там в коридорах, кашляя и отплевываясь, жгли бумаги; Лазо вместе с другими членами совета лихорадочно крутил телефонные диски и кричал командирам во Владивостоке, Благовещенске, Никольске приказ: немедленно уходить в сопки, в глубь страны. Когда к зданию подкатили на мягком ходу броневики, когда японцы с ружьями наперевес побежали по кабинетам и коридорам, Лазо вместе со всеми сошел во двор, где им велели построиться. Офицер ходил с переводчиком по рядам и переписывал фамилии. Лазо назвался не своей, но человеку его роста нельзя было спрятаться: на глазах у всех его увели обратно в здание.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ТОКИО. Япония, однажды уже пострадавшая от ядерного оружия, с гневом и болью встретила решение американской администрации о производстве нейтронной бомбы. Мэр города Хиросима назвал это решение «оскорблением, нанесенным всему человечеству». Мэр города Нагасаки в своем выступлении сказал: «Нейтронная бомба — это самое грязное из всех видов оружия в мире. Оно разработано специально для того, чтобы убивать в огромных количествах людей, не разрушая их имущества».

КОПЕНГАГЕН. Массовая демонстрация с участием представителей молодежных и студенческих организаций против решения рейгановской администрации о производстве нейтронного оружия прошла в столице Дании. Демонстранты заявили: «Мы решительно протестуем против этого варварского оружия и требуем, чтобы правительство Дании информировало Вашингтон о том, что Дания выступает не только против нейтронного оружия, но также и против политики конфронтации в целом».

«ЧЕ, ИБО ТАКОВО МОЕ НОВОЕ ИМЯ»

Н. ЧУГУНОВА

Гевара и Кастро впервые встретились в июле 1955 года на конспиративной квартире штаба «Движения 26 июля» в доме Марии-Антонии Гонсалес на улице Эмпаран, 49, в Мехико. Они проговорили всю ночь. Оба были молоды.

Тот, что пришел в дом по приглашению («От разговора, — решил он, — зависит все!»), был аргентинец, врач, сотрудник отделения аллергии Кардиоло-

гического института (диплом хирурга) и путешественник, но не простой: он любил в Боливии, Перу, Эквадоре, Колумбии, Панаме... В Мексике он, так сам считает, ненадолго. «Чтобы быть революционером, в первую очередь необходимо наличие революции», — и он пока не называет себя революционером. Он пока ищет возможности называть себя так.

Его портрет, торопливо набросанный кубинским писателем Раулем Роа:

«...ясный ум, аскетическая бледность, астматическое дыхание, выпуклый лоб, густая шевелюра, решительные суждения, энергичный подбородок, спокойные движения, чуткий, пронзительный взгляд. Говорит спокойно, смеется звонко».

На снимках: Эрнесто Гевара — студент медицины; Че Гевара — министр индустрии социалистической Кубы; эпизоды борьбы за свободу Кубы.

Его портрет, известный всем по фотографиям: берет, сигара, улыбка «барбудос». И тот и другой условно точны, как и всякий словесный портрет или портрет на плакате, имеющие от истинного лишь черты, видимые сразу, издали, всем. А в жизни...

Он бывал беспомощен и безоружен, когда болезнь начинала терзать его. Это не было видно сразу, издали, всем. И он один считал эти минуты. Кто был более всех честен с ним? Кто говорил ему «жестокую правду», не шадя его даже тогда, когда он бывал беспомощен, безоружен? Эрнесто Гевара. Он сам!

...«Кто я — врач или солдат?» — спросил он себя, когда пули полетели в него, настоящие пули тех, кто метил в революцию, следовательно, целил и в него тоже; когда настоящая наденная его революция уже была с ним (следовательно, стреляли и в него тоже). Станный вопрос: солдат ли? Он хотел удостовериться в этом.

«Когда я только приступал к изучению медицины, те взгляды, которые присущи мне как революционеру, в арсенале моих идеалов отсутствовали. Я, как и все, хотел одерживать победы, мечтал стать знаменитым исследователем, мечтал неустанно трудиться, чтобы добиться чего-то такого, что пошло бы в конечном итоге на пользу человечеству, но это была мечта о личной победе...»

Это прошлое Эрнесто Гевары.

В прошлом у Че — только разговор с Фиделем, его, солдата революции, встреча с революцией!

Эрнесто Гевара мечтал стать личностью неповторимой и был как все.

Че устраивало быть как все: семьдесят два пассажира шхуны «Гранма».

Тот, кто стал Че, был самым яростным участником экспедиции Кастро и самым преданным сторонником того, что последовало за ней.

Тот, кто остался Эрнесто Геварой, научился быть самым скрупулезным историком и теоретиком революции. Он аналитик. Ему сопровождать Че всюду. Перед последним боем он, Гевара, ведет записи в своем безжалостном дневнике Че. Кто говорит в нем «суровую правду»? Эрнесто Гевара. Он сам! Но отныне имя его звучит иначе — Че.

«Действительность опровергла наши планы, — так описаны первые часы после высадки революционного десанта, — не было всех необходимых условий для успешного осуществления предпринятой попытки, не были соблюдены все правила революционной войны, которые мы потом усвоили ценой собственной крови и крови наших братьев в течение двух лет тяжелой

борьбы. Мы потерпели поражение, и тогда началась самая важная часть истории нашего движения. Тогда стала явной его подлинная сила, его подлинная историческая заслуга. Мы поняли, что совершали тактические ошибки и что движению недоставало некоторых важных субъективных элементов: народ признавал необходимость перемен, но ему не хватало веры в возможность их осуществления».

Сравните этот анализ событий с письмом домой (описаны те же дни и часы).

«Похоже, что я действительно солдат (по крайней мере, я грязный и оборванный), ибо пишу на походной тарелке, с ружьем на плече и с новым приобретением в губах — сигарой. Дело оказалось нелегким... Вместе со знакомым тебе Альмейдой и Рамири-то провел семь дней страшной голодухи и жажды, пока мы не вышли из окружения и не присоединились к Фиделю (говорят, хотя это еще не подтверждено, что погиб бедный Ньико)».

Первое — урок, второе — тема, отрывок, набросок.

2 января 1959 года восьмая колонна — «Сиро Редондо» — партизанской армии, руководимая Че, на пути в Гавану занимает крепость «Кабанья». Крепость сдается Че без выстрела. Че в автомобиле. Колонна на грузовиках. Так же, как и Че, в Гавану спешит громовый Сьенфуэгос («Бойцы Фиделя не сдаются!» — вот что крикнул он, перекрыв голосом пальбу из «томпсон» и прибавил кое-что еще, и это был первый день). Колонне Сьенфуэгоса без выстрела сдается военный лагерь «Колумбия».

3 января в «Кабанье» встречаются врач и Че.

«Передо мной лежал, скопленным жестоким недугом, один из великих борцов Америки... В большом помещении, приспособленном под спальню, где всюду виднелись книги, лежал голый по пояс человек в зелено-оливковых штанах, с пронзительным взглядом и ингалятором в руках. Он без рисовки мне сказал, что на всем протяжении повстанческой войны встала не давала ему покоя. Я невольно думал о драме этого человека, призванного совершать великие дела...»

Врач пришел не облегчить страдания — он не мог облегчить страдания, не практиковал. К Че, борцу Америки, пришел борец Америки. Казалось, история повторилась вовремя — в день, когда Гавана встречала Кастро, и Че пришел Сальвадор Альенде.

О чем они говорили? Потом пришел корреспондент и попросил Че встать, надеть куртку, фуражку и фотографироваться, чтобы читатели газет во всем мире увидели одного из лидеров таким, каким они стали потом его представлять. Просьбу Че выполнил с большой неохотой.

О чем они говорили, пока не пришел корреспондент?

(Одному из них вскоре предстоит стать министром, строить социализм на Кубе, погибнуть в Боливии.

Другому предстоит стать президентом, провозгласить социализм в Чили...)

В «Кабанье» Че был счастлив. Он праздновал. Торжествовал. Бывал ли он когда-нибудь прежде в Гаване?

Альенде ушел потрясенный.

— Вы хотите, чтобы я набросал портрет Че после победы?

— Если это возможно.

— Да, действительно. Вряд ли возможно создать точный его портрет. Если хотите, я только сделаю попытку. Несколько случаев. С первого взгляда они могут показаться несущественными, незначительными эпизодами. Но ведь главное о нем знают все. Даже то, что он курил сигары. Впрочем, уточню: он курил «Синко Вегас», при мне, на моей памяти, во всяком случае.

(Мой собеседник работал на Кубе и лично знал Че Гевару в годы, последовавшие за революцией.)

— После революции Че сильно устал, если так можно сказать, мирной жизнью, мирным строительством. Разумеется, в мирной жизни он видел действительное продолжение революции и хотел видеть то же напряжение сил всех, ту же самоотверженность.

Ему казалось, что многое, что он упустил, когда шла партизанская война, он должен наверстать сейчас, когда есть передышка. Он видел себя солдатом, отдыхающим между боями.

Стал изучать русский, французский, знал хорошо всегда, высшую математику. На все набрасывался со страстью и радостью человека, соскучившегося по простой работе. Как если бы солдат, остановившись с полком в деревне, решил починить крышу, пока не пропоют зарю. Каждую субботу он вставал к станку. Был министром индустрии и имел самое большое число отработанных субботников, а выходных у него не было. Однажды у нас произошел такой разговор:

Че, ты сам, конечно, способен на любые жертвы. Ты, но не весь же народ!

— Весь народ, — упрямо сказал Че.

Переубедить его, знаете, невозможно было. Заседания назначались в три-четыре часа утра. Че был бодр, так, во всяком случае, казалось (...сразу, издали, всем). Он был яростным противником всяких почестей, отличий, наград. Вот какой он был максималист. Каждый должен бороться своим трудом так, как за его, каждого, свободу боролись и умирали повстанцы, как ради него, каждого, шел в Гавану Камило Сьенфуэгос. «Колумбия» сдается ему без выстрела, но он гибнет в мирный день — взлетел на самолете и пропал, видимо, упал в море, подстреленный врагами, как в бою.

Однажды надо было ехать в Ориенте Че пригласил лететь на самолете.

Садимся: Че, военный летчик и я. Но за штурвалом — Че

— Че, ты как будто не водил самолет до сегодняшнего дня!

— Нет, — отвечает он, смеясь, — я научился этому вчера

И, представьте, мы летим. Я-то помню, как мы с Че попали в автомобильную аварию в центре Гаваны, но Че уже этого не помнит. Че потрясюще упрям, неудобно упрям, но ведь мы летим

Нам пришлось сесть в Камагуни. В то время кубинцы сбивали ночью все самолеты, такой был приказ. В гостинице мы пошли ужинать, и я заметил, как неприязненно смотрели на Че собравшиеся в ресторане, все из «бывших», шел шестидесятый год. Я увидел Че как бы со стороны: простые полупармские штаны, рубашка, берет, борода. Для «бывших» он был «оборванцем», который отнял у них все, у них бывшее. Они прекрасно знали его в лицо

В одном из американских описаний Че того времени дан портрет завоевателя, Чингисхана. Нечего и говорить насколько точен автопортрет автора описания, как сильна его ненависть к Че

— По возвращении я рассказал Раулю об этом случае, но убедить Че в том, что министр должен соответствующим образом одеваться, конечно, не удалось. С тех пор Рауль часто поддевал Че, говоря: мы собираем деньги, чтобы купить тебе новую форму. Че звонко хохотал. Он жил как в раю, всем жилось очень трудно. Но его еще сильно пугала возможность измениться... измениться незаметно для самого себя и для друзей, потерять право иронизировать над самим собой, малюсенькой частичкой своей революции.

«Только не устраивайте мне здесь капитализма!» — сердито говорил он.

Однажды, придя на заседание, как обычно, с коробкой «Синко Вегас», Че попросил слова для внеочередного сообщения

— Товарищи, — начал он серьезным и торжественным тоном, — социализм доказывает свою силу на каждом шагу. Вот еще одно подтверждение — он все-таки добрался до «Синко Вегас»!

С этими словами он высыпал на стол содержимое коробки, где оказались бракованные сигары «Синко Вегас» — не самые роскошные, но это дорогие сигары. Че позволял их себе, считая лекарством. Некоторым из присутствующих шутка не понравилась. Но, если подумать, шутить подобным образом мог только человек, чья совесть чиста перед делом, которому он служит. Нечистая совесть требует слишком многих громких слов, частого стука кулаком в грудь

— Я пришел к нему в контору банка, когда его только назначили директором.

— Отойди от окна, — закричал Че, — в меня должны стрелять

— Но ты на виду.

— Меня предупредили, — объяснил Че, — я теперь должен сидеть здесь, чтобы не подумали, что я боюсь их.

— Это глупо, — сказал я.

— Да? — сказал Че, посмотрев как-то сбоку с улыбкой, за которой обычно следовала едкая острота

— Фидель вызвал меня для разговора. «Че в Боливии», — сказал Фидель. Я понял, что Че опять сделал по-своему.

— Был ли он прирожденным лидером, руководителем?

— Он по характеру поэт, философ.

«Дорогие старики!

Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь.

Около десяти лет тому назад я написал Вам другое прощальное письмо. Насколько помню, я тогда сожалел, что не являюсь более хорошим солдатом и хорошим врачом: второе меня уже не интересует, солдат же из меня получился не столь уж плохой

В основном ничего не изменилось с тех пор, если не считать, что я стал значительно более сознательным, мой марксизм укоренился во мне и очистился. Считаю, что вооруженная борьба — единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту

Может быть, я пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, но он возможен

Я любил Вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен...

...неисправимый сын

Эрнесто».

Фиделю

«...Моя единственная серьезная ошибка — это то, что не верил в тебя еще больше с самого первого момента»

Письма переданы Фиделю 1 апреля 1965 года

В письме к Фиделю майор и министр Че Гевара отказывался от поста и чина и с благодарностью возвращал Кубе свое кубинское гражданство, подаренное ему за заслуги перед народом Кубы. Теперь он снова рядовой солдат Америки. Он был лучше вооружен — «уроки партизанской войны» помнил, три года борьбы и победа закалили его, и победа дала знание и веру.

Теперь он был более опасен, чем прежде. Он был частица революции,

как факел, зажженный от большого пламени, он был революционером опасен

И самое страшное (для них, тех, кто еще в Алжире дель Писо стрелял в него, целя в революцию), самое страшное заключалось, конечно, в том, что легендарный манер был любим той Америкой, ради которой шел в бой. (В его смерть долго не верили)

Че был опасен верой, которая должна была обязательно родиться в народе, к которому он пришел.

Прежде чем вера родится и окрепнет, Че должен быть уничтожен — это решение будущих «бывших», принятое в ужасе перед ЧЕ. (ЧЕ — для них это было название целой армии. Армию собирали, чтобы в него стрелять)

Специальную оперативную группу для ликвидации Че (она была создана в Вашингтоне) возглавил Уильям Скер. Этот бригадный генерал авиации побывал в свое время в Перу, Колумбии, Венесуэле. Что он искал? Он там убивал. Его дело — подавление партизанских движений, подавление начинаний и возможных революции. Каково отношение имел он к Латинской Америке? Он был убийца и в Латинской Америке имел широкую практику

Другие

Редмонд Уебер, полковник, командир восьмого полка «реинджеров». Назначение войск — «специальные задания», зона размещения — Панамский канал

Ральф Шелтон, майор, бывший начальник «антипартизанских школ» в Лаосе. Ему поручена подготовка спецотряда из 600 человек для войны с Че — переброска трех пехотных рот для войны с Че

Феликс Рамос, кубинец, агент ЦРУ, контрреволюционер. Он консультировал подготовку разведчиков и агентов-осведомителей для войны с Че

Эдуардо Гонсалес — такие же данные

«Во всех действиях против партизан мы широко сотрудничали с Феликсом Рамосом и Эдуардо Гонсалесом, так как знали, что они служили Соединенным Штатам — стране, являющейся нашей союзницей в антипартизанской войне». Это слова начальника разведки четвертой армейской дивизии Боливии Арнольдо Сентено

Андрес Шон, подполковник, командир 3-го батальона «реинджеров». Ему «выпала честь» вести бои с обессилевшим, израненным отрядом Че

Уинка, сержант. Он схватил раненого Че

Марио Теран, лейтенант. Кажется, это он стрелял в безоружного Че.

«В о Фландрии, в Дамме,— читал по памяти Патрис,— когда май распускал лепестки на кустах боярышника, у Клааса родился сын Уленшпигель. Повитуха Каталина завернула его в теплые пеленки и, осмотрев головку, показала на кожицу — В сорочке родился, под счастливой звездой! — сказала она, но тут же заохала, увидев на плече ребенка черное пятнышко»

Лумумба стоял перед памятником Тиллю на площади в Дамме, напротив собора. Всего несколько дней назад он был в Конго. На улицах мальчишки танком раздавали его фотографии. Тюрьмы заполнялись людьми, носившими значки с его изображением. При аресте значки зажимали в кулак или прятали за щеку.

Колонизаторы меняют тактику: переговоры. В Брюссель на конференцию «круглого стола» приглашаются представители крупнейших партий Конго. И тут возникает новое препятствие: блок прогрессивных партий отказывается вести переговоры о независимости без участия руководителя Национального движения Конго — Патриса Лумумбы. В зал заседаний конференции его доставили прямо из бельгийской тюрьмы в Конго.

— Господин Лумумба, чего вы требуете?

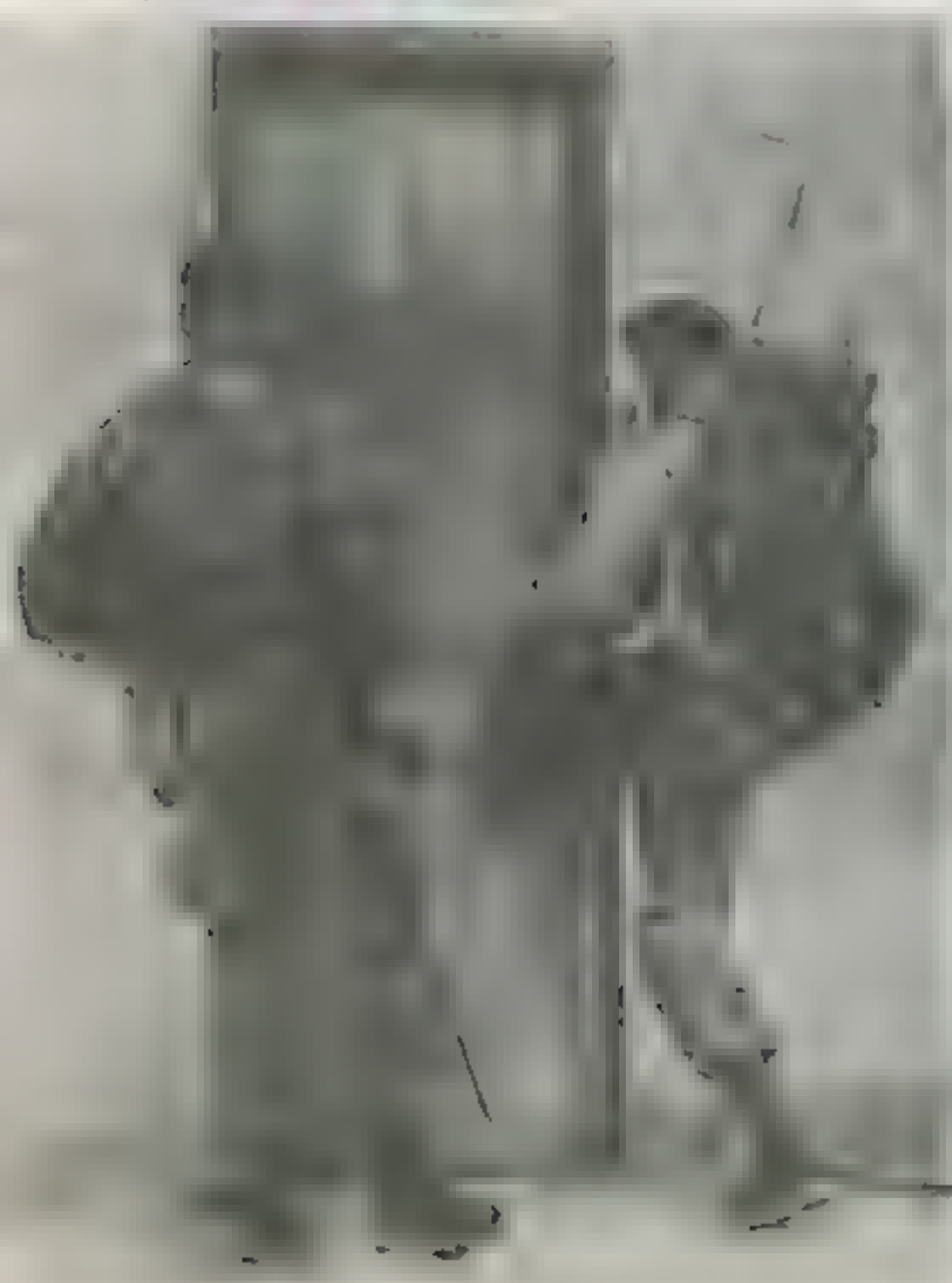
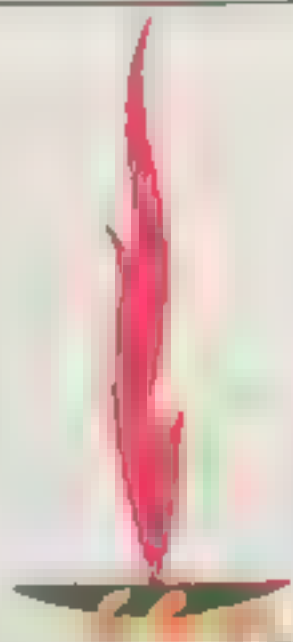
— Полной и абсолютной независимости.

Три месяца спустя — 30 июня 1960 года — День провозглашения независимости.

На снимках: последняя фотография Патриса Лумумбы, бельгийцы в Конго, 1960 год

ВЕРЮ В СВОЮ СЧАСТЛИВУЮ ЗВЕЗДУ

В. СИМОНОВ

Элегантен, подтянут, волосы коротко острижены. В левом верхнем кармане пиджака — белоснежная полоска платочка. Первый в истории Конго премьер-министр — Патрис Эмери Лумумба

— Наше единое национальное правительство будет служить родине!

Первые шаги правительства. Лумумба требует абсолютного контроля над ресурсами и хозяйством страны. Запрещает вывоз капитала. Объявляет о своем намерении покончить с произволом иностранных компаний. Вводит контроль над ценами. Вынуждает предпринимателей повысить заработную плату рабочим.

— До тех пор, пока наша независимость не будет способствовать поднятию уровня жизни рабочих и крестьян, она не будет иметь никакого значения

2 июля 1960 года Патрис Лумумба раньше обычного покинул свой кабинет. День рождения — тридцать пять лет. Покупки: цветы для жены, сладости для детей, вино для гостей

Дети выбежали навстречу. Старший, Франсуа, повис на шее. Патрис прыгнул с ходулей. Жюлиана и Роланд держались за руки матери. Самая маленькая спала на террасе в колыбели. В доме ждали гости. Поздравления. Не прошло и минуты — здесь уже маленький парламент: обсуждения, споры.

Из кухни вышла жена

— Патрис, сколько можно говорить о политике?

— «Любимая моя, зачем ты пошла за мной?» — сказал он словами Уленшпигеля. — Помнишь: «Не мы, так кто-нибудь другой освободит землю фламандскую!» А мы освободили землю конголезскую

2 июля 1925 года в Конго, в деревушке Оналуа, на берегу Санкуру, у крестьянина Окитоленго Франсуа Лумумбы родился сын Патрис

Ему шесть лет. Быстроглазый худой мальчишка в накраденной повязке, он рыбачит с отцом, помогает в поле, собирает хворост для очага, носит воду, плетет корзины.

Крыша из длинных пальмовых листьев. Вокруг хижины — латанные сети. В очаге потрескивает огонь, и по стенам пляшут огненные человечки. Окитоленго в который раз рассказывает, как в ту ночь молния ударила в баобаб, отсекала верхние ветви, расщепила ствол и ушла в землю. С молнией появился Патрис

— Из него может выйти наставник Катехизиса, — говорит бельгийский священник отцу Патриса.

— Отдай его в армию, — советует дядя Патриса Виктор Лундула. — Он будет сержантом, как я. Пусть служит родине!

Школа. Патрис читает молитвы. Святой отец слушает. На четвертом псалме голова монаха клонится книзу. Он

засыпает. Патрис перестает читать, тем же монотонным голосом говорит первое, что приходит в голову, вспоминает о жизни в родной деревне, о друзьях, оставшихся в Оналуа... И так всякий раз, когда он читает молитвы.

Однажды, когда святой отец мирно спал, Патрис вспомнил мать.

— Она носила на голове большущие листья бананов, и никто вкуснее ее не мог запечь рыбу в золе. Она всегда отдавала нам лучшие куски и никогда не наедалась досыта сама. Здесь у белых женщин я увидел туфли

Патрис взглянул на монаха. Глаза монаха были открыты...

Впереди красная пыль дороги. Багаж легкий для любого пути: рубашка, выцветший галстук завернуты в свитер, свитер перекинут через плечо. На нем полосатая рубашка, короткие брюки, перепоясанные бечевкой, и ботинки — подарок дяди Виктора.

Кинду, Калима, Стэнливилль... Черно-рабочий, клерк, почтовый служащий, налоговый агент... Ему восемнадцать

В Стэнливилле хорошая библиотека: Вольтер, Гюго, Руссо, Мольер, Монтескье. ...Здесь он встречает сверстников, которые тоже читают. Но Патрис очень застенчив

— Патрис, возвращался бы ты к мамочке кушать чикаангу

Это проходит. Они часто собираются вместе, спорят обо всем, а больше всего о политике. Однажды кто-то заметил, что политику трогать не стоит, глупо: черный не смеет даже войти в ресторан для белых.

Негритянские кварталы остались за спиной, под ногами застучал асфальт. Белые дома за рядами пальм.

В зале человек двадцать белых. Играет оркестр. Оркестр смолкает — все смотрят на Патриса.

Он смотрит в меню.

— Ты с ума сошел! — К столу подошел начальник почтового отделения, где работал Патрис.

— Я пришел поужинать

Подошли полицейские, скрутили руки и выволокли «черномазого» на улицу

Друзья увидели его только через неделю. На руках остались красные ссадины от наручников

— Наше самое сокровенное, хотя, быть может, и несколько утопичное, желание — создать в Конго государство, в котором совершенно стерлись бы расовые и религиозные различия, сложилось бы однородное общество, состоящее из бельгийцев и конголезцев, спаянных общей заботой о судьбах страны.

— Господин Лумумба, что станет с европейцами, живущими в Конго?

— Европейцев, живущих в Конго, мы будем просить остаться и помочь молодому конголезскому государст-

ву... Наше движение не означает бунта против белых. У нас один-единственный враг — колониализм, а вовсе не люди европейского происхождения.

За день до провозглашения независимости Лумумба подписывает свое первое внешнеполитическое соглашение — договор о дружбе с Бельгией

— Мы сделаем так, чтобы в стране воцарился мир, основанный не на винтовках и штыках, а на сердечном согласии и доброй воле

Через неделю после провозглашения независимости в Конго началась бельгийская военная интервенция.

— Если бы это зависело от бельгийского народа, Конго не знало бы тех несчастий, от которых страдает в настоящее время. Напряженность в отношениях между Конго и Бельгией нагнетают лишь группы, заинтересованные в эксплуатации богатств Конго и толкающие власти на продление колониального режима. Я знаю, что подавляющее большинство бельгийцев против угнетения африканцев.

Звонит телефон: часа два назад на аэродроме высадились бельгийские парашютисты. Завязалась перестрелка. Бельгийцы отступили к ангару и укрылись в нем. Кому-то удалось закрыть дверь снаружи

Лумумба распахнул двери ангара

— Вы арестованы! Выходите поодиночке! — На него направлены автоматы десантников. — Бросайте оружие и выходите. Я не хочу кровопролития

Он повернулся и зашагал к машине. В тишине раздался резкий металлический звук — упал первый автомобиль

— Как здесь душно! Давайте выпьем холодной воды.

Лумумба взял графин с водой и начал разливать ее по стаканам журналистов

— Господин премьер-министр, почему вы со всеми ссоритесь и всех критикуете?

— Это интересный вопрос! Какие-то основания для такого мнения есть. Но парадокс в том, что правительство Конго желает наладить нормальные взаимоотношения со всеми странами мира. А получают ссоры, хотя мы и надеемся, что время возьмет свое и недоразумения будут устранены. Установление взаимопонимания напоминает спайку двух металлических стержней. Кузнец, прежде чем сварить два конца, очищает их от грязи и пыли. Иначе не будет прочной спайки. Образно выражаясь, колониальные страны лезут к нам своей грязной стороной, что мы отвергаем.

— Вас называют коммунистом...

— Когда намереваешься защищать свою страну, дело свободы, тебе тут же приклеивают ярлыки. Обвинения в том, что я продаюсь коммунистам, стали распространяться после того, как

я отклонил исходившие от ряда западных стран предложения заключить с ними сделку, которая, по сути дела, была бы актом коррупции

(1955 год. Лумумба очень известен в литературных и политических кругах. Руководит несколькими общественными организациями, выступает на митингах, пишет статьи

Колониальным чиновник Боссери: — Тебе надо уехать из Конго. Я устрою тебя в лучший университет Бельгии, будешь читать лекции по истории географии и т.д. Твоя деятельность тебе обеспечена. В Брюсселе будешь издавать свои книги. Ты же по призыванию ученым-аналитик

Лумумба предлагают пойти в Бельгию. В Бельгии с ним беседуют министры, лидеры правящих партий. «Господин Лумумба, предлагаем вам пост в министерстве колоний. Будете бургомистром в Леопольдвиле. (Конечно, между нами существуют разногласия...)» От постов он отказался. В Конго его ждали наручники. Тюрьма. Потом снова тюрьма...)

В августе 1960 года Лумумба побывал в США. С трибуны ООН Лумумба обращается ко всем прогрессивным силам мира с просьбой помочь молодому государству вывести бельгийские войска с территории Конго. Вернувшись из поездки, он вновь говорит о попытках подкупа...

18 августа 1960 года. ЦРУ приступает к «неотложной задаче» по ликвидации Патриса Лумумбы. К той же задаче приступают разведки других западных держав

(Директор ЦРУ А. Даллес:

— Лумумба вроде Кастро и даже хуже)

— Господин премьер-министр, вы не боитесь, что вас убьют?

— Я верю в свою счастливую звезду...

В эти дни западные обозреватели отмечают фантастическую работоспособность Лумумбы. Он успевает вести переговоры, ответы журналистам, вы

¹ По сведениям сенатской комиссии США, расследовавшей в середине семидесятых годов деятельность американских разведывательных служб

ступления на митингах, прием посетителей, разработка экономической программы... Он работает по двадцать часов в сутки.

— Мы превратили независимость в фетиш, в волшебную маску, а она является всего-навсего сырым материалом для мастера, от таланта которого все и зависит — будет или шедевр или ремесленническая поделка

— Было три часа тридцать минут. Я находился в своей резиденции, где спокойно работал. В этот момент вошли солдаты. У них имелся приказ о моем аресте, подписанный генеральным прокурором, бельгийцем. Меня арестовали. Когда я спросил солдат о причине моего ареста, они ответили:

— Если вы сами не знаете, в чем вас обвиняют, тогда мы арестуем прокурора

Я ответил, что этого делать не нужно, пусть делают ошибки другие, а мы будем поступать по закону, который на нашей стороне

Я предложил солдатам направиться в лагерь Леопольда. Там я выступил перед военными...

Меня освободили. Обратно я ехал в открытой машине и обращался к публике с призывами и спокойствием. Нас не подпустили к зданию радиостанции. Я ни разу не пробивался к радио силой. Но я мог бы взять с собой сто человек и захватить радиостанцию. В таком случае были бы жертвы. А я хочу избежать всякого кровопролития...

(«По сведениям, которые мы получили, заговорщики намеревались убить меня после ареста...»)

Заговоры следуют один за другим. Лумумба смещается с поста премьер-министра. Но парламент восстанавливает его полномочия. Он не требует всей полноты власти, но народ предоставляет ему это право

В середине сентября в Конго происходит военный переворот. Резиденция премьер-министра окружена двойным кольцом солдат — «домашний арест».

Вечер. В Леопольдвиле тропический ливень. Солдаты, охраняющие резиденцию премьер-министра, прячутся под навес. Неожиданно из ворот резиденции вылетает автомобиль. Резкий поворот. Визг шин. Автомобиль скры-

вается за плотной завесой воды. В машине премьер-министр Патрис Лумумба, генерал Морис Мполо и сенатор Жозеф Окито. Курс на Стэнливиле, последний оплот лумумбистов.

Организуется погоня

Западные разведки предлагают свои услуги. Одна из европейских авиакомпаний предоставляет преследователям разведсамолет и специалиста по воздушной разведке. Машину премьер-министра ищут с воздуха

Весть о побеге мгновенно распространилась по всему Конго. Толпы людей стояли на дорогах, ждали, когда проедет машина Патриса Лумумбы. После местечка Мази-Маниба машина утонула в цветах. Лумумба часто останавливался, выступал на митингах. 30 ноября они въехали в Порт-Франки. Вдалеке на шоссе показалась черная лента машины. Погоня! Нельзя было терять ни минуты. Но, проезжая Маеку, Лумумба увидел, что народ собрался на митинг. Он решил выступить. В конце митинга на площади появились солдаты. Беглецам удалось ускользнуть. Но у деревушки Люди на переправе через реку Санкуру их настигли.

3 декабря 1960 года самолет с арестованными приземлился в Леопольдвиле

Ассошиэтед Пресс.

«Лумумбу с завязанными за спиной руками бросили на дно грузовика. Его обступили солдаты и били кулаками, ногами»

— Жестокости, издевательства и пытки никогда не могли заставить меня просить пощады, потому что я предпочитаю умереть с высоко поднятой головой, с несокрушимой верой и глубокой убежденностью в судьбу нашей страны...

17 января 1961 года на аэродроме городка Молиди приземлился маленький самолет. Из него выволокли Лумумбу, Мполо, Окито. Они шли с завязанными глазами. Шли молча, с гордо поднятыми головами...

Мы тело подставляем солнцу, и лучи выжигают слезы за отцов, умерших рабами на этой любимой земле

(П. Лумумба. В сердце Африки)

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВАШИНГТОН. Сокращения ассигнований в области образования, предусмотренные нынешней американской администрацией, самым пагубным образом скажутся на положении школ. В 1981—82 учебном году потеряют работу около 55 тысяч учителей, будут сокращены часы на преподавание некоторых дисциплин, количество учащихся в классах резко возрастет. Дальнейшее сокращение средств на нужды образования запланировано на 1983 и 1984 годы. В разных штатах страны — Пенсильвании, Мичигане, Огайо, Иллиноисе — уже прошло более 20 забастовок учителей, протестующих против экономической политики Рейгана.

КАНБЕРРА. По сообщениям австралийской прессы, каждый седьмой житель страны живет в крайней бедности или нищете. В соответствии с официальной статистикой в Австралии 378 тысяч полностью безработных, еще 546,6 тысячи — жертвы так называемой скрытой безработицы. Среди безработных 120 тысяч выпускников школ.

ТОКИО. Здесь состоялся массовый митинг протеста против поддержки японскими правящими кругами чилинской хунты. В нем приняли участие молодые рабочие, студенты, представители 16 общественных организаций Японии.

На снимках: Федерико Гарсиа Лорка в 1935 году; эпизоды гражданской войны в Испании

Жестока и прекрасна участь того, кто уже в раннем детстве кажется «странным», «не от мира сего», не вписывающимся в каноны, которые устанавливаются веками и которые — какое заблуждение! — нас учат, что в три года ребенок должен вести себя так, а не иначе, а к десяти — вступать в такие-то, а не иные отношения с окружающим. Какую враждебность, сколько противоречий увидит в такой «гармонии» человек, призванный отличаться!

Далекие дни моего отрочества. Третий год гимназии. Курс «Введение в литературу». В один прекрасный день залитый солнцем, как, впрочем, и другие дни на моей родине, учитель вошел в аудиторию. Мы поднялись, приветствуя его. Без лишних слов он взял мел и написал на доске

Я боюсь потерять
 это светлое чудо,
что в глазах твоих влажных
 застыло в молчанье,
я боюсь этой ночи,
 в которой не буду
прикасаться лицом к твоей
 розе дыханья

Я боюсь, что ветвей моих
 мертвая груда
устилать этот берег таинственным
 станет,
я носить не хочу за собой
 повсюду
те плоды, где укроются
 черви страданья.

Если клад мой заветным
 взяла ты с собою,
если ты моя боль,
 что пощады не просит,
если даже совсем ничего
 я не стою,—

пусть последний мой колос
 утрата не скосит,
и пусть будет поток твои
 усыпан листвою,
что роняет моя уходящая
 осень

Скажу, что нам было тогда лет по
четырнадцать-пятнадцать. Мы быстро

Перевод М. Кудинова (Примечание ред.)

переписали стихи, и учитель попросил прочесть их вслух. Учитель, видимо, предполагал, что мы уже знаем их. Но кто-то из нас спросил:

— А кто автор?

Через мгновение прочли на доске «Федерико Гарсиа Лорка»

Затем, конечно, последовал анализ стихотворения. И для нас открылся новый, неведомый мир. Мы — а возраст наш был возрастом грез и первой влюбленности — сидели, околдованные внутренней силой, струящейся из этих строк. Не только самими фразами, но и той особой музыкой, которую излучало стихотворение. Образы нас заворожали, в них виделась нам тайна — ведь любовь в пятнадцать лет — это тайна! А учитель сказал просто:

— К следующему уроку выучите стихи наизусть. Поговорим о жизни и творчестве Гарсиа Лорки.

Педро КОРРЕА ВАСКЕС, панамский поэт — специально для «Ровесника»

Взволнованные, мы пошли в другую аудиторию, менее поэтичную, где нас ожидала контрольная по математике

1.

Естественно, нашей фантазии был дан толчок. Учитель рассказывал о жизни поэта, и тут же мы представляли все так, будто он был среди нас (нас, которые недавно оставили позади мир детских игр). Вот Лорка в отцовской огромной рубашке, с большущим крестом, сделанным из ивовых веток. Глаза устремлены к неизведанным вершинам... Погруженный в свои мечты, он сидит на скамейке возле своего дома, представляя, как будет священником, как предстанет перед людьми, жаждущими услышать от него Слово.

Поглощенный своей одинокой игрой, он проводил целые дни, читая проповеди друзьям, существовавшим лишь в его фантазии. Каждый раз так продолжалось до тех пор, пока не появлялась мать и, слегка испуганная «возвышенными» играми сына, упрекала «Федерико, до каких пор можно сидеть здесь! Уже пора мыть руки и ужинать. Отец спрашивал о тебе».

Он шел, нет сомнения, шел с донной Висентой домой, но прежде искал подходящий танник, куда можно было бы надежно спрятать крест. На завтра этот обряд повторялся. Почему так случи-

лось? Испания — страна католическая. Католическая не столько вера, сколько традиция. Христианская мифология.

Сын Федерико Гарсиа Родригеса и Висенты Лорки родился 5 июля 1898 года в местечке Фуэнте Вакерос (Пастуший ключ), расположенном недалеко от Гранады.

«Мой отец женился на матери, будучи вдовцом. И в детстве мной владела навязчивая идея представить как можно подробней ту, другую, которая «могла бы стать моей матерью», Матильду Паласиос. Я был счастливым ребенком — в детстве мать учила меня музыке, много читала», — рассказывал поэт корреспонденту.

И мы видим, да, видим, как будто все происходит на наших глазах, как слово за словом он повторяет названия нот, открывая для себя мир, в котором все, даже малая малость, имеет свое название. И это так чудно, так завораживает, что становится вдруг весело: а почему нота соль называется «соль», «солище», а не «лума»?

Тот же журналист спросил его: «Что

получил ты в наследство от отца?» И он ответил: «Страсть». — «А от матери?» — «Способность думать».

Но, странное дело, этот ребенок не любил школу. Он жил, погруженным в мир своих фантазий. Одним прекрасным днем Федерико посчастливилось увидеть представление бродячего театра. С этого момента он был еще и директором театра с невидимыми актерами. Мать, конечно, включил в свою игру: «Садись, ты будешь публичкой».

«А во что тебе нравилось играть малышкой?» — «Во что играют дети, из которых вырастут «чудаки», «недотепы», поэты? Я читал мессу, делал алтарь, строил маленький театр...»

Надо же, назвать себя «недотепою»? И что могли мы сказать? Что? Когда мы только начинали осознавать величие его жизни, когда наше восхищение им увеличивалось в геометрической прогрессии к каждому слову учителя? Как обозначить место, которое занимали мы в «большом театре мира»? Да, и мы играли на сцене, и в нашем классе, наверное, тоже были те, кого можно было

назвать «недотепами», «поэтами», но о них мы пока ничего не знали, и потому, нам казалось, наша жизнь так бедна и бесцветна по сравнению с жизнью Федерико. Но нет! Конечно, он так не подумал бы. Федерико любил малышей, понимал подростков. В каждом его произведении, — так говорил учитель, — можно встретить истории для маленьких, можно прочесть строки, посвященные юности. Не напрасно во всех статьях и книгах, посвященных жизни Федерико, его сравнивают с ребенком. Говорят, он был взрослым, который никогда не изменял своему мальчишескому сердцу. И мы, маленькие озорники, разумеется, с особым энтузиазмом выискивали в эпизодах жизни Гарсиа Лорки такие, которые оправдывали бы наше плохое поведение и неважную учебу.

«Я провалился на экзаменах по литературе и по кастильскому языку. Но зато здорово прославился умением каждому приклеить точное прозвище».

Так если он, поэт, провалился на литературе, то почему мы — не поэты —

«ДОБРЫЕ ДЕТИ ЛУГА»

не можем делать то же?
Учитель был взбешен

III

— К двадцати годам Федерико создал свою «Грустную балладу», в которой среди других прекрасных стихов мы встретим и такие

Я всегда был беспокойным,
добрые дети луга,
когда из романсов меня
погружала
в светлые мечтанья
Кто та, которая собирает
гвоздики и розы мая?
Почему видят ее только дети

Да! Это написано для нас! И, охваченные грустью, в этот момент мы клялись быть обязательно такими же «добрыми детьми луга», клялись прожить такую же прекрасную, чистую жизнь, о которой писал и которую прожил

Перевод М. Павловой (Примечание 1)

Федерико. Не просто Федерико, а наш друг Федерико. Но этот вопрос готов был слететь с губ — а учитель уже объяснял, — откуда в творчестве Гарсиа Лорки народные и фольклорные мотивы.

«У меня деревенское детство. Пастухи, поля, небо, одиночество. Крайняя простота. Я очень удивляюсь, когда у меня находят неологизмы, поэтические смелости. Я ничего не придумываю сам. Все из жизни. А если кому кажется необычным, так потому, что необычно само это простое и редкостное отношение к жизни: слышать и видеть. Такая простая вещь, а?.. Меня больше интересуют люди, которые живут на ландшафте, чем сам ландшафт. Я могу четверть часа простоять, любуясь горным пейзажем, но потом бегу поговорить с пастухом или лесорубом... Потом, когда пишешь, вспоминаешь эти разговоры, и всплывает подлинная народная речь».

Учитель надолго остановился на биографии поэта, перечислил названия его книг: «Впечатления и пейзажи», «Книга стихотворений», «Поэма о канте хондо», «Цыганское романсеро».

— В Мадриде во время учебы в известной Студенческой резиденции он подружился с Рафаэлем Альберти... Изучал право и филологию в университете Гранады.

Учитель называл имена, они были нам мало знакомы (а честно говоря, незнакомы вовсе). Но, судя по интонации, с которой учитель говорил, чувствовалось, что это были славные люди. Но мы ждали, ждали, затаив дыхание, не названий, не дат, но стихов. В одном мы были согласны с учителем: действительная биография поэта — его стихи.

Учитель вдруг заинтересовал нас неожиданным поворотом темы. Он заговорил о смерти. Он говорил, что тема смерти — постоянная тема в творчестве Лорки, что это грустное слово очень тесно связано с героикой. Поэт, говорил учитель, был всегда на стороне народа. Мы слушали взволнованные слова о гуманизме Лорки, о его безграничной любви к ближнему. Мы слышали о подвиге Марии Пинеды (это учитель говорил уже о театре Гарсиа Лорки), которая погибла, но не предала товарищей, боровшихся за свободу народа. Да, умерла, но не предала. И вдруг:

Когда я умру
оставьте дверь на балкон
открытой¹.

Это стихотворение «Прощанье», но не только. Оно также вера поэта в то, что смерть не окончит его отношения с миром.

IV

— Долгие годы не решался поэт опубликовать свои стихи. И не из-за

боязни, а потому, что считал: поэзия, его поэзия, создана для чтения вслух. Однажды его друг поэт Хорхе Гильен спросил: «И ты станешь сам читать свои стихи перед публикой?» Ответ прозвучал резко: «Да, чтобы защитить их!» Какая прекрасная форма защиты поэзии.

После паузы мы услышали:

— Поэт ненавидел насилие. И поэтому ненавидел испанскую жандармерию. В его «Романсе об испанской жандармерии» кони жандармов должны быть непременно черными и «черен их шаг печатный».

От них никуда не деться —
мчат, затаив в глубинах
тусклые зодиахи
призрачных карабинов

Они ездят попарно
спеша, как черные весты
И связками шпор звенящих
мерещатся им созвездья

Вопли и стонания — вот зловещие
следы жандармерии

О мой цыганский город!
Прочь жандармерия скочет
черным туннелем молчанья
а ты — пожаром охвачен
Забудь ли тебя, мой город!
В глазах у меня отныне
пусть ищут твой дальний
ответ.
Игру луны и пустыни¹.

Это магические глаза поэта — они
все сохраняют.

V

Этот мир принадлежит нам. Когда Лорка учился в Студенческой резиденции, случилось однажды так, что он остался без денег. Вместе с другом они сделали из своего жилища настоящую пустыню, вынесли из комнаты все вещи. В пустыне этой соорудили шалаш и ангела, которого нарекли «прекрасным»...

Федерико рассказывал.

«...ангелом прекрасным (треножник фотографа, ангельская голова и крылья, накрахмаленные и идущие прямо от шеи) Мы открывали окно и звали к прохожим о помощи, приглашали взглянуть на нашу жалкую комнату. Два дня мы не брились и не покидали свою пустыню. Половина Мадрида прошла через наш шалаш».

Естественно, таким образом они «набрали» немного денег.

Самой интересной из всего рассказанного учителем была история дружбы поэта с тореадором Игнасьо Санчесом Мехиасом. Нет нужды переска-

зывать ее. Достаточно прочесть поэму Лорки — поэму, которая нам понравилась больше всех

Не хочу я ее видеть!

Пусть луна взойдет багровою
О, засыпьте лужи крови
На песке, где пал Игнасьо!

Не хочу я ее видеть!

По ступеням вверх Игнасьо
С ношей смерти шел устало.
Он искал рассвет,

но тщетно

В эту ночь не рассветало¹.

«Плач по Игнасьо Санчесу Мехиасу» — это слезы, которые прольет каждый из нас, если потеряет единственного и лучшего друга. Но что это была за поэма! Она наполняла нас тоской. Она заставила нас почувствовать величие испанского поэта, показала глубину его дружбы, его верность, его обнаженную скорбящую душу.

VI

Учитель рассказывал нам и о «театральных» годах Федерико. Говорил о «барракал» — студенческой труппе, которую возглавлял Лорка и с которой побывал в отдаленных уголках своей Испании. Мы представляли, как ехали они на доставшемся им с трудом грузовичке от деревни к деревне, прибыли к местечку Фуэнте Овехуна (Овечий источник) и как были потрясены крестьяне пьесой знаменитого Лопе де Вега пьесой, названной так же, как и их деревня. И как после спектакля выкрикивали они лозунги, требуя свободы и справедливости.

Мы мало что смыслили в политической ситуации, сложившейся в Испании двадцатых годов. Учитель рассказывал, что диктатура брала власть в свои руки. Свободы слова не существовало. Имя, произносимое повсюду, было ненавистным: Примо де Ривера, диктатор. В 31-м диктатура пала. Два года раньше Федерико, уставший, запутавшийся, не понимающий политической атмосферы, заполнившей страну, и не находящий в Испании для себя места, уезжает с другом в Нью-Йорк. Город железа ужасал его. Лорка полностью уходит в поэзию — единственное прибежище и спасение. Он пишет прекрасную поэму, наполненную протестом и одиночеством, — «Поэт в Нью-Йорке». Ее основная мысль выражена сказал учитель, вот в этих строках

Заря в Нью-Йорке стонет
по кварталам,
теряясь в лабиринте
черных лестниц,

¹ Перевод Р. Похлебкина. (Примеч ред.)

¹ Перевод А. Гелескила. (Примеч ред.)

¹ Перевод М. Зенкевича. (Примеч ред.)

ища среди отбросов
 почерневших
 трепещущие лепестки левкоев

Здесь лишь жужжат монеты
 злобным роем,
 и для бездомных их укусы
 смертельны,
 А те, кто утром открывает двери,
 не ждут ни снов любви,
 ни райских песен¹

Вскоре поэт уезжает на Кубу, так похожую на его Андалузию. Под солнцем Кубы к нему вернулось ощущение счастья и радостная улыбка ребенка. Все больше и больше в те дни его увлекает театр.

Но вот учитель вернулся к теме смерти...

— В 1931 году он пишет пьесу «Когда пройдет пять лет». В Юноше — персонаже этой пьесы — угадывается Лорка. Тот же «недотепа». Он создавал мир фантастический. Давал жизнь своим героям...

Мы выслушали фабулу пьесы. А затем

— В финале Смерть становится госпожой Юноши.

Тишина.

Почему вновь о Смерти? Да еще с большой буквы? Или история Федерико — нашего нового товарища — пришла к своему концу? Потрясенные, мы смотрели друг на друга. После паузы учитель продолжил:

— Вот высказывания великого андалузского поэта, гордости Испании, величайшего поэта столетия

«Настоящая поэзия — это любовь, отвага, самоотречение».

«Поэту, собирающемуся написать поэму, чудится, что он отправляется на ночную охоту в далекие, далекие леса. В сердце глухо стучит неясный страх... Пора идти. Чрезвычайно опасно это мгновение для поэта. Ему нужно взять с собой карту тех мест, куда он направляется, и сохранить присутствие духа перед лицом красот подлинных и красот мнимых, которые встретятся на его пути. Он должен, как Улисс² при встрече с сиренами, заткнуть уши и, минуя метафоры мнимые, поддельные, разить стрелой метафоры живые. Мгновенно это опасно — ведь поэт может поддаться соблазну, и тогда ему вовек

не свершить задуманного. Преображенным должен идти поэт на эту охоту, с чистым сердцем и спокойной душой... Приходится иногда громкими криками отпугивать назойливых злых дуков, вторгающихся в уединенный мир поэта и прельщающих его легкой славой, славой беспорядочной, не имеющей ни эстетической ценности, ни красоты».

«Когда я говорю «голос», то имею в виду стих. Неодетый стих еще не стих, как необработанный мрамор еще не статуя... Я просто восхищаюсь при мысли о том, что музыка (Бах), вызывающая волнение, основана на чистой математике»

Опубликовав свои песни, он писал своему другу:

«Остаются стихи, которые продолжают мое тело; я остаюсь хозяином книги. Плохой поэт... пусть! Зато хозяин своей плохой поэзии». (Тут учитель просит небо, чтобы все поэты были такими же плохими, как Гарсия Лорка.)

«В нашу эпоху поэт должен отдать свое вдохновение людям. Поэтому я посвятил себя драме, дающей возможность более тесного контакта с массами»

«Я каждое утро забываю, что когда-либо что-то написал. В этом секрет скромности и упорной работы. Иногда, когда вижу, что творится в мире, у меня опускаются руки: «Для чего пишу?» Но надо работать, работать. Работать и помогать тому, что достойно помощи. Работать в виде протеста. Потому что каждое утро, просыпаясь в мире, переполненном несправедливостью и грязью, хочется крикнуть: «Протестую! Протестую! Протестую!»

Учитель подчеркнул эти слова — для тех, кто утверждает, что творчество Гарсия Лорки не имеет социальной направленности.

«Плохая память у меня только на одно: на мелочи. Кто хочет мне досадить, попусту теряет время, потому что такие вещи я тут же забываю».

«Поэзия бродит по улицам. Она движется, проходит мимо нас. Все вещи обладают тайной, а поэзия — это тайна всех вещей».

И следующий пункт — последний — отметил учитель каторпливым и низким голосом:

«Голод стоит перед миром, голод, уничтожающий народы. Пока сохраняется экономическое неравенство, мир не способен думать. Вот что я вижу. Идут два человека по берегу реки. Один богат, другой бедняк. У одного полное брюхо, а другой отравляет воздух голодными зловониями. Богач говорит: «Какая красивая лодка виднеется на воде. Смотрите, смотрите, какая лилия цветет на берегу!» А бедняк бормочет: «Я голоден, ничего не вижу. Я голоден, я очень голоден». Естественно. В тот день, когда исчезнет голод, в мире произойдет такой взрыв духовной энергии, какого не знало Челове-

чество. Невозможно даже представить себе радость людей в день Великой Революции. Не правда ли, я говорю, как настоящий социалист?»

VII

Мы все внимательно прислушивались к тому, что говорил учитель о политике. Называл даты. Теперь не забывал называть месяцы.

— 1936 год. 16 февраля. Народный фронт победил на выборах, несмотря на то, что реакция пользовалась всеми возможностями, чтобы прорваться к власти. 16 февраля по католическому календарю празднуют день одного из святых — Сант Федерико. Хотя политическая обстановка была напряженной, Федерико все же приехал домой, чтобы на родной земле, в родном доме отметить праздник — свой и отца.

В разных концах Испании бастовали рабочие. В Астурии, например, унять их было невозможно. И Франко — Франсиско Франко, имя которого особенно часто появлялось в газетах за последние недели, посоветовал: направить против андалузцев иностранный легион — марокканские войска, танки и самолеты.

Все время учитель называл имена даты, цифры. Но нас они не очень волновали. Бессознательно мы ждали, когда же услышим имя нашего друга — поэта.

— 18 июля 1936 года вспыхнул фашистский мятеж, его возглавил генерал Франко.

18 августа Лорка был арестован. Был арестован великий андалузский поэт. 1936 год, не забудьте. Пять лет спустя после того, как он написал свою пьесу «Когда пройдет пять лет»... И на следующий день он был убит неподалеку от своей любимой Гранады.

В аудитории — абсолютная тишина. По щекам некоторых тихо текли слезы. Привыкнув к биографиям поэтов, мы знали уже: родился в таком-то году, умер... Один из нас поднялся:

— Умер или убит?

— Убит. Его убили. Знаете, Лорка был опасен. Поэты всегда опасны диктаторам. Потому что поэтов слушает народ. Он просто читал свои стихи или пел какой-нибудь романс — и народ приближался к нему и видел в нем друга... И театр его был тоже для всех. Настоящий поэт принадлежит народу. И народ Испании горд петь вместе со своим поэтом. Когда произошло восстание...

— А кто убил его?

Учитель посмотрел вдоль, сказал низким голосом:

— Фашисты.

Мы, так мало до этого знавшие о политике, в тишине, горькой тишине поняли вдруг, что потеряли своего друга и что у нас есть враг, которого мы возненавидели всей душой и на всю жизнь.

Перевела с испанского
 Т. ГАЧОС

¹ Перевод Ирины Тихоновой. (Примеч. ред.)

² Улисс (латин., греч — Одиссей) — в древнегреческой мифологии царь Итаки, прославившийся как участник Троянской войны, главный герой поэмы Гомера «Одиссея», повествующей о его долгих скитаниях. В одном из эпизодов поэмы рассказывается о встрече корабля Одиссея с сиренами, мифологическими жительницами моря, которые своим пением усыпляли моряков, и корабли их разбивались о камни. (Примеч. ред.)

Перед вами два свидетельства писателей ГДР о жизни и смерти одного человека. Этого человека звали Вернер Зеленбиндер, и имя его стало для молодежи ГДР символом мужества, чести, верности и доброты. Именем Вернера Зеленбиндера, выдающегося спортсмена и героя-антифашиста, названы в ГДР пионерские дружины, молодежные производственные коллективы и спортивные клубы, крупнейший спортивно-концертный зал Берлина. Публикуемый портрет Вернера Зеленбиндера сделан писателем и художником П. Эдемом в гитлеровском концлагере.

Какие возгласы
Раздались повсюду,
когда он ступил на ковер!
Он, прекрасный, стоял,
голом сил
Но превыше всего было
дело его
Пиндар, «Эпипикии»

Жизнь Вернера Зеленбиндера, борца полутяжелого веса, с самого начала могла сложиться иначе. Он был родом из рабочей семьи, рос в трудные годы послевоенной — неразберихи и инфляции, выделяясь среди сверстников лишь непреодолимым влечением к спорту. Он мог бы стать «величиной» в одном из клубов предместья большого города, чтобы впоследствии, скорее всего постепенно спиваясь, кончить ярмарочным борцом. Или, не исключено, став «открытием» изоциренного дельца от спорта, забыл бы своих друзей, чтобы на короткое время сделаться «звездой» горой мяса и мускулов. «Только спортсменом», борцом-профессионалом, тупым и толстокожим, и больше никем, объектом и приманкой в тысячах мелких интриг и обманов, сопутствующих буржуазному спорту.

Те, кто знал его или видел его фотографии, помнят облик молодого атлета. Над мощной грудной клеткой и широченными плечами на крепкой шее сидела прекрасно вылепленная голова — высокий лоб, правильные черты лица, темные вьющиеся волосы. Большие глаза светятся живо и дружелюбно. Таким был чемпион Германии по борьбе в полутяжелом весе Вернер Зеленбиндер.

В том мире поразительной роскоши и страшной нищеты, террора фашистских судов и балов, задаваемых высшим светом, разобраться можно было только тогда, когда точно знаешь, где твое место. Высший свет Вернер видел во-

очию каждый день. Его устроили «пажом» в кафе «Император». Кокетливая униформа, которую ему велено было носить, составляла неотъемлемую часть мира мишуры, которая, однако, не притупила, а лишь обострила зрение Вернера. Он оказывал услуги, выполнял личные поручения, брал чаевые, улыбался, благодарил... Он оставался простым парнем, не выдумывавшим сверхсложных проблем, — жизнь, открывавшаяся ему, вполне была ему по душе, он не был аскетом, но и не принимал видимость за действительность. Правду он узнавал от людей своего круга — дома, на профсоюзных собраниях, в книгах с именами Маркса и Ленина на обложках, в которых он вскоре начал хорошо разбираться, и еще от своих друзей по спорту, тренировавшихся с ним вместе и говоривших не только о подсечках, захватах и двойных нельсонах. Вскорости Вернер сделался

На снимке: манифестация бывших узников гитлеровского концлагеря в Дахау и памятника жертвам фашизма

Пиндар (ок. 518 — 442 г. до н. э.) древнегреческий поэт. «Эпипикии» — торжественные хоровые песни, прославляющие победителей в общегреческих спортивных состязаниях (Примеч. ред.)

* Имеется в виду первая мировая война. (Примеч. ред.)

маленькой знаменитостью среди товарищей: у парня были прекрасные задатки, он словно родился для борьбы.

Но голова его от этого не закружилась, он всегда оставался верным товарищем, скромным, веселым и отзывчивым, готовым отдать абсолютно все, что имел. Вдобавок он был интереснейшим собеседником; да, спорт — его страсть, но он разбирался во всем на свете; он приглашал друзей в театр, где ставилась пьеса нового автора по имени Брехт, а пьеса называлась «Барабан в ночи»; он читал на память античные стихи Эрнста Толлера¹; когда все вместе отправлялись в кино и кто-то предлагал посмотреть какую-нибудь сладенькую чушь, Вернер всегда склонялся к фильмам типа «броненосец «Потемкин» или «Мать».

И все это время спортивные успехи возносили его все выше. Он перешел в клуб «Беролина». Вернер, теперь уже транспортный рабочий предприятия

НО ПРЕВЫШЕ ВСЕГО БЫЛО ДЕЛО ЕГО

Стефан ХЕРМЛИН

Я — КОММУНИСТ

Петер ЭДЕЛЬ

«АЕГ Трентова», стал выше ростом, прибавил в весе, приобрел опыт. Он все реже встречал противников, равных ему по классу, о нем заговорили по всей Германии, а вскоре его слава перешагнула границы страны. Но он по-прежнему оставался любителем, верным традициям рабочего спорта, хотя в капиталистической Германии рабочим спортклубам, не получавшим помощи от государства и имевшим мало средств, трудно было равняться с клубами имущего класса. Вернер выиграл международный турнир в Вене. В 1927 и 1928 годах он дважды побывал в Советском Союзе, одержав во время второй поездки победу на I-й Спартакиаде. Возвратившись, он выступал перед своими товарищами-спортсменами с докладами о новой стране, которую все они мало знали. Своим спокойным, честным взглядом Вернер сумел разглядеть, что эта страна, где впервые в истории рабочие и крестьяне устраивают жизнь на свой лад, находится в начале невероятного развития и что она, несмотря на всю тогдашнюю бедность и отсталость, опередила остальной мир на целое столетие.

¹ Толлер Эрнст (1893 — 1939) — немецкий писатель, в 1919 году член правительства Баварской советской республики. После прихода к власти фашистов эмигрировал в США (Примеч. ред.)

Несколько лет спустя стало опасным говорить о том, насколько Страна Советов опережает другие страны в своем историческом развитии: родина Вернера Зеленбиндера была низвергнута в каменный век. Вернер, как уже говорилось, никогда не был только спортсменом. Он разбирался в политике и сознательно участвовал в классовой борьбе. Его никогда не вводило в заблуждение понятие «национал-социализм», он видел, что за ним кроется все, что может быть враждебным социализму и рабочим. Во время первого большого соревнования по борьбе после прихода Гитлера к власти, в котором Вернер принимал участие и, как всегда, победил, большинство спортсменов после окончания турнира акинули руку в фашистском приветствии и запели «Хорст Вессель». Сколько преданных болельщиков Вернера — кто с готовностью, кто понуждая себя — поднялись с мест? Трудно сказать. Но на ковре рядом с побежденными соперниками стоял высокорослый борец, любимец публики Вернер Зеленбиндер, который не поднял руки, не подхватил нацистский гимн. Тогда еще было много людей, которых не успела отравить до конца пропаганда Гитлера, и вот, глядя на Вернера, все пристыженно умолкли, потом раздались аплодисменты в его честь, возгласы приветствия — весь зал выразил свою солидарность с ним — дело по тем вре-

менам почти невообразимое. Вернера арестовали, но через некоторое время отпустили. Он был знаменитым спортсменом, и режим надеялся использовать его в своих целях. Но для острастки его дисквалифицировали на год.

Год спустя он оказался в еще лучшей форме, став блестящим мастером, достигшим совершенства, и сила его мускулов соединялась с силой его интеллекта. Он вновь выиграл первенство Германии. Он радовался, что может открыто выступать на ковре, но ни на секунду не забывал, что ему следует делать. Вернер не стеснялся после схваток собирать деньги среди зрителей. И мало кто знал, что деньги эти шли в «Красную помощь», которая поддерживала семьи политических узников. Вернер Зеленбиндер не был провидцем, но он ясно видел, как целую армию спортсменов подталкивают к краю смертельной пропасти. Он распространял листовки, укрывал у себя преследуемых, доставлял их в безопасные места, а главное — использовал свои поездки за границу для сбора важной информации и для упрочения связи между немецкими подпольщиками и группами, действовавшими в эмиграции. На его след напали. В Париже, где он с большим успехом участвовал в турнире, посвященном Всемирной выставке 1937 года, нацистские агенты перерыли в гостинице его вещи. В тот раз тщетно. Но пять лет спустя его арестовали.

Как сейчас вижу себя на аппеле плаца, куда меня притащили с последнего допроса, истерзанного жаждой, голодом и жгучей болью. Кандидат на смерть по письменному предписанию власти, то есть «персона», возвращение из лагеря которой «нежелательно», ибо этот субъект осмелился создавать чуждое нации искусство и распространять враждебные рейху листовки.

— Кто ты такой? — спросил меня мой мучитель с угрозой в голосе.

Ему мало было услышать в ответ «заклученный такой-то», он хотел, чтобы я назвал себя преступником.

— Кто ты такой?

— Преступник! — простонал я, падая на землю после удара ногой в живот.

— Вот именно! — раздалось в ответ. — Преступник, еврейский выкормыш, большевистская сволочь! Кто ты такой?

Ему все было мало. Все чаще, все резче раздавалось надо мной, то сверху, то сбоку: «кто ты такой?» — и удары, удары.

— Национальность?

— Немец, — только и смог я прохрипеть.

Он принялся избивать меня ногами, потом рывком поднял на ноги. Заорал:

— Ты?! Немец?! Ты, наверное, забыл, что ты такое?! Ну, отвечай?!

— Я.. я не достоин считаться нем-

цем,— была тогда такая формулировка для людей в моем положении.

— Что?! Ах, вот как, ты, может быть, стыдишься быть немцем? Что ты такое?

Я лежал на земле, весь в крови, в мокрой жиже, в грязи, скорчившись, воя от боли, но весь переполненный ненавистью к ним. И, совсем уже близкий к бесчувствию, я крикнул во все горло

— Коммунист! Я — коммунист! — сам не знаю, почему я это крикнул

Это вырвалось у меня невольно. Возможно, в этот момент в моем подсознании что-то сверкнуло, подобно молнии. Скорее всего воспоминание об одном старом берлинском рабочем с военного завода Сименса, куда меня с женой отправили на принудительные работы, он указал мне путь от долготерпения к сопротивлению и протесту. Он был одним из тех, кто по законам конспирации не называл своего истинного имени, но действиями своими давал понять, от чьего имени он берет на себя самое трудное — от имени коммунистов. Может быть, все то, чем он напутствовал меня при прощании, слилось в тот миг в один-единственный импульс, заставивший меня впервые в жизни проявить себя так; я схватился наверное, за единственную оставшуюся у меня опору, и еще, наверное, я подумал, что мне все равно конец. И все-таки хотелось обладать каким-то оружием, лишь бы поразить им посланца смерти

Тот и впрямь поразился, ударил меня еще пару раз для порядка и зашегал прочь, монотонно называя номера следующих жертв. Я с трудом припоминаю, как товарищи подымали меня и, осторожно поддерживая, повели к бараку. Среди них был и Вернер Зеленбиндер, который видел все от начала до конца. Это был широкоплечий человек в полосатой куртке, довольно молодой с виду, с крупной головой, простым, вызывающим доверие лицом, волевым подбородком и добрыми глазами, которые некоторое время озабоченно глядели на меня. Когда я лежал уже на нарах, он положил свою руку на мою и тихо сказал, что хочет поговорить со мной, когда мне станет лучше.

— Потом. С глазу на глаз... у колючей проволоки.

Легко себе представить, каково было у меня на душе. Мне никогда не забыть этого разговора, который мы вели при свете заходящего солнца, единственного долгого разговора, который у меня был с ним, если не считать коротких бесед и осторожных обменов словом-другим в те несколько недель, проведенных вместе с Вернером прежде чем началось мое хождение по мукам в Освенциме, Заксенхаузене и Маутхаузене. Мне не забыть, как он, испытываяще глядя на меня, спросил, почти не скрывая своего недоверия

— Ты коммунист?

И как я смущенно признался:

— Нет.

Он стал расспрашивать меня, почему же я тогда, во время «аппеля», заявил, что я коммунист, и я попытался объяснить ему, как сейчас вам. Мне не забыть, как он ответил, что хорошо, что я «по крайней мере честен с ним» и что в тот момент я поступил правильно, иначе он не взял бы меня в свои барак

— Зато теперь,— его голос сделался тише и еще проникновеннее,— теперь тебе придется на этом и стоять ты понимаешь, о чем я говорю, не так ли?

Вам, конечно, известно, как хорошо бывает, когда найдешь человека, перед которым можно излить душу. Ему я мог рассказать обо всем, он только время от времени перебивал меня:

— Тут объясни поподробнее, если доверяешь мне. Я — коммунист.

И я невольно задумался при этих словах. Не хочет ли он дать мне понять, что и я могу стать коммунистом, даже здесь, в лагере? Но при этом я все еще слишком много думал о себе самом, не желая потерять то чувство уверенности и равновесия, которое я обрел в его присутствии, от его близости. Он, очевидно, понял это и произнес слова, которые так много определили в моем будущем:

— Все мы живем здесь до удара гонга. Мне тоже скоро придется уйти. Главное, чтобы каждый из нас знал: рядом со мной есть человек, который не даст мне пропасть, который сделает все, что в его силах. Сегодня он, завтра — я. Это мы говорим каждому, в ком уверены, что он выдержит испытание. Если ты будешь верен этому закону, здесь ли, или в другом лагере, у тебя, по крайней мере, останется надежда выжить. Руку?

Я протянул ему руку, не в силах сказать ни слова. Уже собравшись уйти, он снова повернулся ко мне и сказал, как бы разговаривая с самим собой

— Все дело в том, как тебя примут, когда ты попадешь в новый лагерь. И когда ты поймешь... — тут он твердо взглянул мне в глаза, — когда ты поймешь, как поступаем мы, ты будешь так же вести себя с другими. И тогда мы можем друг на друга положиться. Пусть ты просто так сказал то... ты сам знаешь, там, на апель-плаце, но отныне все это будет уже всерьез!

— Обещаю тебе

— Не обещаю. Главное — дело!

...У меня никак не шли из головы его слова о том, что ему скоро придется уйти. Представляете, какой это был для меня удар? Хотя я совсем недавно узнал Вернера, у меня возникло такое чувство, будто мне предстояло расстаться с одним из самых близких и дорогих людей. Что будет со мной без него? Останусь без помощи! Столь эгоистические мысли все еще жили во мне. Я спросил его, куда ему придется уйти. Он помолчал недолго, прежде чем рассказал мне о предстоящем про-

цессе. Говорил скупой, не вдаваясь в подробности. А потом сказал:

— Мои приговор мне известен,— и рубанул рукой сверху вниз.

Я, наверное, уставился на него с ужасом, не веря своим ушам. Ибо лишь в этот миг я осознал, какая непоколебимая убежденность была заключена в нем, знавшем, что через несколько месяцев ему предстоит сделать последний шаг в жизни, и находящем в себе силы заботиться о других, о таких, как я. И какими же ничтожными показались мне вдруг мои собственные страдания, и я, потрясенный и устыдившийся, признался ему в том, что почувствовал. Не потребовалось ни поучения, ни долгих речей, чтобы я осознал, из какого источника Вернер черпает силу, позволяющую ему жить ради других. Само существование, само поведение этого человека стало воплощением того, что такое партии коммунистов. И как тогда, так и сегодня бесконечно верна его мысль о том, что все дело в том, с кем встретится молодой человек в решающий момент его жизни, требующий полнейшей самоотдачи, как он будет принят и подготовлен к преодолению последующих испытаний и экзаменов жизни. Мне в жизни счастье такой встречи выпало, в многих других, может быть, и больше этого заслуживавшим, нет...

...Я думаю сейчас о том, как же точен образ Анны Зегерс: «Мертвые остаются молодыми». И вот чудится мне: он вновь стоит рядом со мной, таким, каким я запечатлел его на портрете, сделанном в лагере. Это было — я точно помню — за два дня до того, как нам пришлось проститься. Для меня следующий пункт назначения назывался Освенцимом, ему, остававшемуся, предстояло вскоре...

Что можно сказать друг другу в такие минуты? И что было сказать мне?

— Ты пробынешься!

Он только покачал головой и очень спокойно, очень убежденно проговорил

— Но если суждено будет пробыться тебе, расскажи людям все, всю правду, чтобы это никогда не повторилось. И главное — расскажи об этом людям молодым...

...Из последнего письма Вернера Зеленбиндера близким, отправленного из тюрьмы в Бранденбурге: «За время моего заключения я вынес, наверное все, что может вынести человек. Болезни, физические и психические пытки — ничто меня не миновало. Но я знаю, что в ваших сердцах и сердцах многих моих товарищей по спорту я нашел место, которое будет принадлежать мне всегда. Сознание этого придает мне гордость и силу, и в мой последний час никто меня слабым не увидит...»

Перевел с немецкого
Евг. ФАКТОРОВИЧ

исшедшем было что-то преднамеренное. Смерть, тем более такая страшная и нелепая, всегда воспринимается нелегко, но в этом случае личность погибшего и все то, что связано с его судьбой и деятельностью, его ролью в жизни всего южноафриканского общества, заставляют вновь и вновь задаваться вопросом: а просто ли это несчастный случай? Подозрение, до сих пор живущее среди миллионов чернокожих граждан, родилось уже в тот день и час, когда прибывшие в местечко представители властей быстро, с плохо скрываемым удовлетворением оформили и подписали акт о гибели Альберта Джона Лутули.

В историю своего народа, в историю африканского и всемирного освободительного движения этот человек вошел под именем Вождя, или, как называли его миллионы сограждан по-английски «Чифа» Лутули.

Альберт Джон Лутули родился в 1898 году в семье вождя небольшого зулусского племени абасе-маколвени в районе Умаоти — там же, где и оборвалась его жизнь.

Его дед, а затем и дядя (брат отца) были «избранными» вождями племени, что, в общем-то, было (если взглянуть на этот вопрос с современной точки зрения) делом более прогрессивным и демократичным по сравнению с получением «поста» вождя по наследству. Его отец, принявший христианство и служивший первоодчиком в католической миссии, принадлежал к местной элите. Поэтому и смог молодой Альберт Джон получить в отличие от тысяч и тысяч своих соплеменников и земляков хорошее образование. Сначала он воспитывался в миссионерской школе, затем учился в колледже. Он стал учителем и в течение 14 лет начиная с 1921 года работал в школе для африканцев.

Становление характера и взглядов молодого Лутули пришлось на сложный период в истории его страны. В начале нашего века в Южной Африке на месте четырех бурских республик, созданных во второй половине прошлого века белыми поселенцами — бурами, возник доминион Британской империи — Южно-Африканский Союз. Споры за владение этой далекой африканской окраиной, в недрах которой были открыты богатейшие залежи золота, алмазов, а затем и множества других ценнейших ископаемых, вылившаяся в войны между бурами и англичанами, в конечном счете привели к объединению недавних врагов — поселенцев и британцев — ради уже стечения эксплуатации и грабежа миллионов коренных жителей страны.

Побежденные, но несмирившиеся африканские народы — зулусы, коса, цвана, суто и другие — не могли и не хотели допустить увековечения складывавшейся в Южной Африке системы

Это случилось зимой 1967 года. Теплым июльским утром (ведь в Южной Африке июль — месяц зимы) по узкому железнодорожному мосту через реку Умвоти медленно шагал высокий африканец. Движения его были не совсем уверенными — за спиной тяжелые, напряженные 70 лет жизни. Он был болен, но утренние прогулки в этих малолюдных местах, куда он был сослан, помогали ему держаться: ведь здесь он родился и провел детство.

До конца моста оставалось шагов двадцать, когда из-за густых деревьев на берегу вылетел тяжелый грузовой состав. Машинист, конечно, видел человека на мосту. Он мог бы попытаться затормозить, да стоило ли: этот черномазый должен сам двигаться побыстрее. Удар пришелся в лицо, и тело старика упало на рельсы. Заскрипели тормоза, состав остановился. Откуда-то уже бежали люди. Машинист нехотя дал задний ход — поезд откатился метров на пять и замер.

Сбежавшие окружили неподвижно лежавшего человека; кто-то сбросил пальто, окровавленное тело завернули в него, подняли и понесли в ближайший дом. Побежали за фельдшером, врача в местечке не было.

В половине третьего пополудни, в пятницу, 21 июля того уже далекого года старый африканец, не приходя в сознание, скончался.

Власти объявили трагедию на мосту несчастным случаем. Быть может, так оно и было. Хотя за прошедшие 15 лет официальная версия случившегося полного подтверждения не получила. Нельзя отделаться от мысли, что в про-

На снимках. Альберт Джон Лутули в Швеции во время получения Нобелевской премии; будни апартеида

неравенства и насилия. Они создали в январе 1912 года организацию, получившую название Африканский национальный конгресс (АНК). Так родилась единая нация чернокожих южноафриканцев, которые, сплотившись вокруг АНК, вот уже семьдесят лет ведут вместе с лучшими представителями других рас, населяющих эту страну, борьбу за ликвидацию расизма и апартеида.

Альберт Лутули с детства жил одновременно как бы в двух мирах: он страстно любил свой народ, свою родину, впитывал в себя ее древнюю и мудрую культуру и веру и в то же время воспитывался в миссионерской школе в строгом христианском духе. Он стал убежденным приверженцем учения о Христе. В его личности мы видим новый тип африканца, в котором скрестились все характернейшие черты того непростого, переходного времени. Альберт Лутули был высокообразованным и культурным человеком — и с точки зрения привитой ему западной культуры, и с точки зрения древней, африканской, подаренной ему прошлым его народа.

Эта благоприятная возможность общения с двумя мирами, с двумя цивилизациями сделала фигуру Лутули весьма видной и даже, скажем, полезной для его родного племени в той конкретной обстановке начала 30-х годов нашего столетия, когда он работал учителем в африканской школе.

То было время, когда его соплеменники, которые занимались главным образом выращиванием саторного тростника, оказались в бедственном положении в результате экономической депрессии, охватившей весь капиталистический мир. Депрессия, как известно, ударила по миллионам трудящихся и в богатых, развитых странах и еще больнее по бесправным жителям заморских владений.

И в такое время на собрании старейшин в 1935 году было единогласно решено: избрать вождем племени учителя Лутули.

Приняв на себя обязанности «избранного» вождя, Альберт Лутули сразу же проявил свои блестящие организаторские способности. Он не вызвал и местным и европейским богам, как советовали ему уважаемые племенные знахари, не возил с дарами и властям, как предлагали старейшины. Лутули организовал — и это было впервые для африканцев — Ассоциацию фермеров — производителей сахарного тростника. В узком мирке, где люди были предоставлены самим себе, силам стихии и случая, появился пусть еще слабый, но уже действенный коллектив тружеников. И это не замедлило дать свои результаты, что принесло Лутули всеобщее уважение.

И еще один, быть может, не самый главный, но очень показательный штрих проявился в характере Лутули в те годы. Его интересовало все, чем жили близкие ему люди, и все, что было в его силах, он стремился сделать, чтобы

хоть как-то, хоть чем-нибудь облегчить тяжелое существование своих земляков. Он очень любил спорт, сам был спортсменом, и именно он сыграл главную роль в организации и работе Футбольной ассоциации африканцев в Натале. Лутули был активным и инициативным участником множества дел, которые осуществляла в те годы Ассоциация учителей-африканцев: тысячи людей собирались послушать его выступления в южноафриканском христианском совете, в других культурных организациях страны. Именно в те годы он научился не уставать после встреч, бесед, выступлений, длившихся зачастую до глубокой ночи. Потом это поражаало всех, кому довелось быть свидетелем его деятельности.

Он продолжал оставаться вождем своего племени, но деятельность его уже вызывала неодобрение властей. В 1952 году правительство ЮАР «сместило» А. Лутули с поста вождя племени. Но старейшины приняли решение впредь не избирать нового вождя, как на том настаивали власти. Это было выражением верности Лутули. И этот титул — Вождь — он пронес с честью до конца своей жизни.

В 1946 году Альберт Лутули был избран в Совет туземных представителей — формальный и бесправный орган при министерстве по делам туземцев. Столь быстрое возвышение могло заставить другого человека примириться с режимом. Но не Лутули.

С первого появления в совете вождь племени абаса-маколвени занял позицию твердого и последовательного противника расистских порядков. Эта позиция и бескомпромиссность привели его — и это не могло не случиться — в ряды АНК.

Через пять лет Лутули становится президентом этой организации в провинции Наталь. Он активно защищает права небелого населения, его действия становятся широко известны, уважение народа растет, и в 1952 году Альберта Джона Лутули избирают Генеральным президентом АНК.

В 50-е и 60-е годы активизируется борьба угнетенных, и немалую роль в этой борьбе сыграла сама личность президента АНК. Эти годы останутся в истории Южной Африки под названием «эры Лутули». Так их называли уже тогда, когда он был жив, так их называют сегодня в книгах прогрессивных авторов.

Дела и идеи Лутули были тем ферментом, который ускорял созревание методов и принципов освободительного движения в новых условиях. Сопротивление расизму обретало новые формы, и к середине 50-х годов были созданы условия для объединения сил различных прогрессивных организаций страны и принятия единой программы борьбы за окончательную ликвидацию расизма.

Несмотря на запреты, аресты, тюремные заключения, которыми власти пытались сбить поднимающуюся волну

народного гнева, патриотам удалось большая организационная работа, и в июне 1955 года в городе Клиптауне близ Йоханнесбурга собрался подлинно народный парламент — представители всех рас, проживающих в стране, встретились на Конгрессе народов.

Конгресс принял и утвердил программу действий, получившую название «Хартии свободы», которая и поныне является, как назвал ее национальный герой страны Нельсон Мандела¹, «революционным документом как раз потому, что изменения, к которым она призывает, не могут быть осуществлены без коренной ломки всей экономической и политической структуры нынешней Южной Африки».

В последний момент власти не допустили к участию в этом собрании двоих из трех лидеров движения, удостоенных Конгрессом народов высшей награды «Иситваланде» — президента АНК Альберта Лутули и ветерана движения за права небелых граждан, нынешнего председателя Южноафриканской коммунистической партии доктора Юсефа Даду.

Правящие классы заявили, что поддержка «Хартии свободы» есть государственная измена. Но главное было сделано — родилось единство патриотов. С тех пор день 26 июня отмечается как День свободы Южной Африки.

Было бы неверно считать, что все эти важные события — результат действий одиночек, пусть даже таких ярких, как «Чифа» Лутули или Нельсон Мандела. Конечно, это результат долгой и трудной работы многих и многих людей. Но среди многих деятелей тех лет трудно выделить кого-либо, кто пользовался бы таким уважением в стране, как Альберт Лутули.

Его любили. Его боялись и ненавидели. И не было такой меры преследования, которую режим расистов не применил против него.

В 1956 году на весь мир прогремел процесс «О государственной измене», на котором власти Южно-Африканского Союза (Южно-Африканской Республикой, ЮАР, страна называется с 1961 года) решили расправиться с руководством всех прогрессивных организаций страны. Сфальсифицированный процесс длился почти четыре года, и в конце концов все 156 «обвиняемых» были оправданы: у правящего режима с его мощным судебным и полицейским аппаратом не нашлось фактов, чтобы доказать «вину» и «измену» хотя бы одного из этих бесстрашных людей.

Среди них был и Вождь Лутули, возглавлявший в то время широкую кампанию протеста против системы «пропусков». Согласно «закону о паспортах» каждый чернокожий южно-

¹ Нельсон Мандела — крупнейший деятель национально-освободительного движения на юге Африки, вот уже 17 лет отбывает пожизненное тюремное заключение (Примеч. ред.)

африканец должен был иметь специальный пропуск («пасс»), который он был обязан всегда носить с собой и предъявлять по первому требованию любого белого, а первую очередь полиции. Тысячи людей, вся «вина» которых состояла в том, что их «пасс» остался дома, или потерян, или просрочен, или не отмечен белым хозяином, отправлялись без суда и следствия в тюрьмы, а оттуда на принудительные работы.

АНК возглавила «Кампанию неповиновения» — движение протеста за отмену позорных «пропусков». На многолюдном митинге в Йоханнесбурге Альберт Лутули первым порвал свой «пропуск». Его примеру последовали миллионы.

Осенью 1960 года Альберту Лутули — первому и поныне единственному из чернокожих африканцев — была присуждена Нобелевская премия мира. В своей речи при получении награды Альберт Лутули говорил: «Наш континент находится в состоянии революции против угнетения... Не может быть мира, пока не свергнуты силы угнетения». И еще: «Каковы бы ни были последствия нашей борьбы за свободу в будущем, наше дело — это дело освобождения народов... Для нас, свободных или угнетенных, приходит час возродить и прославить поправное имя и честь Матери-Африки».

В марте шестидесятого расисты расстреляли мирную демонстрацию шахтеров в городке Шарпвилле. Кровавая трагедия всколыхнула всю страну, начался новый этап борьбы между силами апартеида и прогресса.

Руководство АНК пришло к выводу, что созрели условия для вооруженного сопротивления. В декабре 1961 года были нанесены удары по нескольким полицейским участкам — взлетели в воздух склады с оружием, сожжена документация. Так заявили о своем рождении «Умконто ве Сизве» («Копье нации») — вооруженные отряды патриотов АНК, прообраз будущей армии освобождения. Одним из организаторов этих отрядов был Альберт Лутули.

Узнав об этом, власти сослали Лутули

в Умвоти. Но теперь этот край был превращен в бантустан — так в Южной Африке официально («страна банту») называют фактические резервации, куда «собирают» по национальному признаку выходцев из той или иной народности, где бы человек ни родился, ни жил, ни работал. В бантустанах нет промышленности — ее там умышленно не создают, не развито сельское хозяйство. И потому нет рабочей силы, нет молодежи, нет здоровых мужчин и женщин — все уходит в города и на шахты в поисках работы и пропитания. А в бантустанах остаются старики, дети, больные. Нищета, болезни, безграмотность.

Власти «вернули» Лутули его народу, как цинично заявил официальный представитель правительства. «Чифу» была запрещена переписка, участие в любом собрании, встречи с друзьями. Ему было уже много лет, здоровье было подорвано годами напряженной работы, арестами, судебными преследованиями. Он стал слепнуть, но все прошения родственников показать его врачу, проживавшему в 50 километрах от Умвоти, оставались без ответа.

Как-то, в одной из своих речей, отвечая на выпады расистов, что он-де занимается ненужным и «неинтересным» делом, Альберт Лутули так сформулировал свою жизненную позицию: «Наша борьба — это борьба, а не игра... Мы не завоевываем свою свободу иначе как ценой великих страданий, и мы должны принимать это как неизбежное. Уже пролилось много африканской крови и наверняка прольется еще больше. У нас не должно быть никаких иллюзий о цене, по которой мы получим права гражданства в нашей собственной стране».

Он шел этим путем честно и неуклонно до своего трагического конца.

Его враги утверждают, что он был националистом и главной его целью было — выгнать всех белых из Южной Африки. Это неправда. Лутули мечтал, говорил и делал все возможное, что было в его силах, чтобы на его любимой земле торжествовало братство всех людей. Все выступления его пронизаны одной мыслью: в основе братства людей лежит не их родство по крови, но единое отношение к главным ценно-

стям человеческого бытия. «Мы пришли в этот мир, чтобы жить вместе, — говорил он, — и в процессе этого нашего сближения я восхищаюсь одними аспектами вашей культуры и в то же время отвергаю другие. И я думаю, что вам тоже понравятся некоторые аспекты нашей культуры. Таким образом будет складываться подлинная южноафриканская культура, вбирающая в себя то лучшее, что есть в наших культурах».

Некоторые говорят, что он был непротивленцем, противником активных революционных действий. Это неправда. Да, он стремился добиться перемен мирным путем. Но, трезво оценивая реальную обстановку в стране, он отвергал «покорный фатализм», звавший к смирению и терпению. Напротив. В 1964 году на заседании Совета Безопасности ООН было зачитано его заявление в поддержку бойцов освободительного движения. В нем говорилось: «Никто не посмеет осудить смелых и справедливых людей за то, что они добиваются справедливости, используя насильственные действия». После трагической смерти Вождя южноафриканские партизаны-добровольцы, сражавшиеся вместе со своими братьями в Зимбабве против общего врага — родезийских расистов, назвали свои отряды «батальонами Лутули».

Недоброжелатели заявляют, что он — антикоммунист. И это тоже неправда, одна из множества неправд, которыми пытаются очернить его действия. Что ж, он действительно не был коммунистом, и в начале нашего рассказа, говоря об истоках его образования и воспитания, мы объяснили это. Но никогда он не выступал против своих друзей — коммунистов, а у него их было немало. В автобиографии, единственной книге, которую он успел издать при жизни, Альберт Лутули прямо сказал: «Я некоммунист. Коммунисты есть в южноафриканском Сопротивлении, и я сотрудничаю с ними».

А о том, как относились к нему коммунисты, говорит следующий факт. В некрологе Южноафриканской компартии сказано: «Это трагедия для нашего народа, что он не дождался времени, чтобы стать первым главой государства свободной Южной Африки».

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

АМСТЕРДАМ. Молодежь и студенчество Голландии принимают активное участие в борьбе миролюбивых сил страны против решения Рейгана о производстве нейтронной бомбы, против размещения на территории Западной Европы американских «Першингов» и крылатых ракет. Демонстрация под лозунгом «Остановите нейтронную бомбу!» состоялась в столице Голландии перед зданием американского посольства.

ПРАГА. Секретариат Международного союза студентов принял документ, осуждающий решение Рейгана о производстве нейтронной бомбы. В нем, в частности, говорится: «Этот шаг рейгановской администрации прямо связан с решением НАТО о размещении новых американских ракет в Западной Европе, с американской концепцией ограниченной ядерной войны».

БАГДАД. В 1981-82 учебном году дети бедуинов, живущих в пустыне Рубба в Ираке, получили подарок. Теперь уроки будут проходить не в палатках, а в специальных автомобилях. Как и в городских школах, дети здесь будут обеспечиваться горячими завтраками и медицинским уходом. По вечерам классы на колесах станут школами для взрослых, желающих научиться читать и писать.

БЕРКЛИ. Студенты и преподаватели Калифорнийского университета провели массовую демонстрацию протеста против производства нейтронной бомбы. Они потребовали, чтобы в лабораториях университета исследования велись только в мирных целях, чтобы всякие контакты университета с милитаристскими кругами были прекращены.

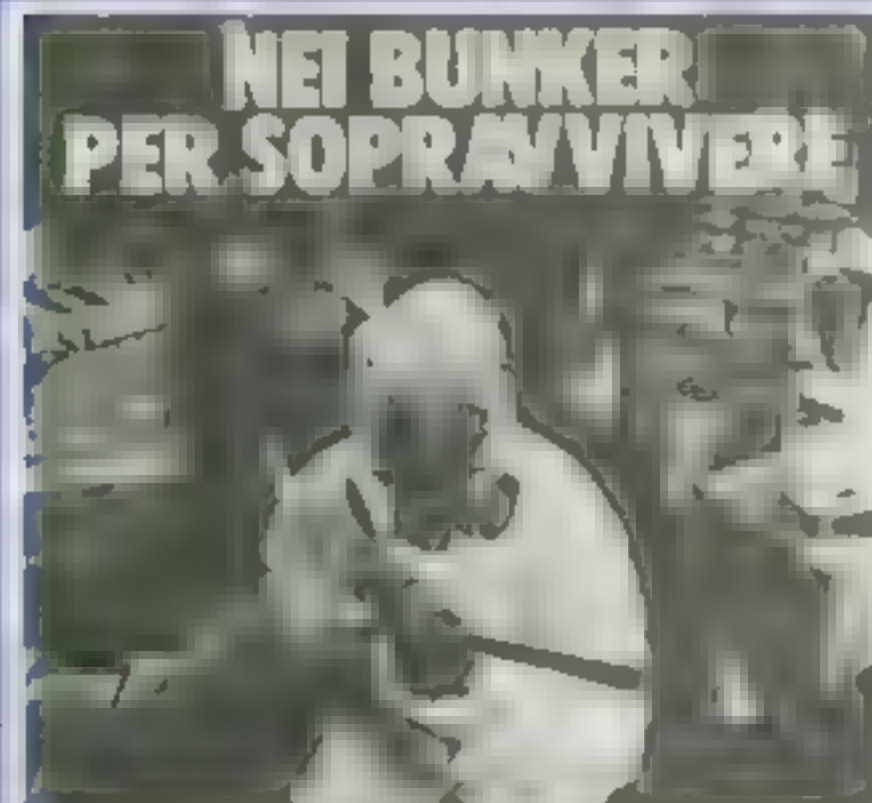

СНИМАЕТСЯ НОВЫЙ ФИЛЬМ

Подходят к концу съемки фильма «Красные колокола», рассказывающего о жизни и творчестве американского журналиста Джона Рида, автора книги «Десять дней, которые потрясли мир». В работе над фильмом принимают участие кинематографисты из СССР, Италии и Мексики. Ставит фильм советский режиссер Сергей Бондарчук, роль Джона Рида исполняет итальянский актер Франко Неро, известный нашему зрителю по фильмам «Признание комиссара полиции прокурору республики» и «Следствие закончено — забудьте». В главной женской роли снимается популярная шведская киноактриса Урсула Андрес. Итальянский журнал «Эпока» опубликовал интервью с актрисой. «Я рада, что мне предоставили возможность сыграть в этом фильме, — говорит Урсула Андрес, — хотя съемки проходят в сжатые сроки и работать приходится много. Я благодарна Сергею Бондарчуку за его помощь в работе над ролью».

ПЕНТЕ ВПРОК

Во Флориде появился новый туристский аттракцион — дырка в земле глубиной 40 и диаметром 150 метров. В дырку провалились: один дом, шесть легковых автомобилей, одно дерево и один плавательный бассейн. Народ озавет, глядя как смельчаки пытаются вытащить свои машины, озавет еще громче, когда узнает от добровольных гидов, что на «ремонт провала» требуется 125 тысяч грузовиков с землей. Но узнав, что только во Флориде это уже восьмая «дырка», озадаченно умолкает. Потому что провалы будут образовываться и дальше, пока бесконтрольно выкачиваются подпочвенные воды для различных нужд. «Водный кризис скоро станет для нашей страны таким же острым, как и нефтяной», — пишет журнал «Лайф». Оседают, пусть не так резко, как во Флориде, целые города. Подсчитано, что через двести лет, если дело пойдет такими же темпами, верхний, сорок пятый, этаж самого высокого из хьюстонских небоскребов окажется ниже уровня моря. «Думать надо уже сегодня, если, конечно, еще не поздно, — пишет «Лайф». — Ибо скоро Америка просто пересознает».

КЛУБ «ВЫЖИВАНИЕ»

Так называется новое предприятие обещающее американцам спасение на случай атомной катастрофы. Каждый желающий вносит вступительный взнос — 12 тысяч долларов и начинает спасаться. Первый шаг — приобретение персонального бункера-бомбоубежища. Затем покупки катятся лавиной: персональный набор консервов, персональный источник энергии, персональная полевая кухня и прочая, прочая, прочая. Все это за собственные денежки, хотя и по членскому билету клуба «Выживание». Белый дом, правда, обещает «ограниченную» ядерную войну, то есть не затрагивающую территорию Соединенных Штатов, но чем, как говорится, черт не шутит. Словом, клуб «Выживание» процветает.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕРАДИВОСТЬ!

Каждую ночь примерно три тысячи безработных мексиканцев нарушают границу США. На американской стороне их встречают вооруженные патрули (встречу вы видите на снимке) и выпроваживают через границу обратно. И все же примерно половине нарушителей удается добраться до «кониотов» — посредников, которые за определенную сумму перевозят «живой товар» (именно как товар, в багажниках легковых автомобилей) в Лос-Анджелес. Там «товар» поступает на мелкие фабрики, эта рабочая сила самая низкооплачиваемая (и тому рады!), самая бесправная (ведь нелегально!) и потому самая выгодная.

«Слава богу, что в границе есть «щели», — говорит один из лос-анджелесских фабрикантов. — И слава богу, что наши патрули так немногочисленны и нерадивы».

НОВЫЕ ПЛАСТИНКИ ВЕТЕРАНОВ

«Стеклянное время» — так дословно можно перевести название нового альбома Йоко Оно. А если не дословно, но ближе к смыслу песен, то — «Разбитое время». Йоко Оно рассказывает о том, что чувствует она после смерти мужа, известного поэта, композитора и певца Джона Леннона. «Некоторым может показаться странным, что Йоко об этом поет, — пишет критик американского журнала «Роллинг стоун», — но ведь она рок-музыкант, и естественно, что ее мысли и переживания выливаются в песни».

Памяти Джона Леннона посвящена и одна из песен нового диска Джорджа Харрисона «Где-то в Англии». Песня называется «Все эти ушедшие годы», и для записи ее впервые вновь объединились трое оставшихся «битлз» — Ринго Старр, Пол Маккартни и Джордж Харрисон. «Смерть Джона показала нам, что как бы мы все эти годы, прошедшие после распада ансамбля, ни пытались доказать слушателям, что каждый из нас существует сам по себе, мы в сердцах наших поклонников все же прежние «битлз». И мы не имеем права отказываться от нашего прошлого», — говорит Харрисон.

Выпустил новый альбом и еще один из ветеранов рок-музыки — Элтон Джон. В альбоме «Лис», как считают критики, музыканту «наконец-то удалось достичь счастливого баланса между развлекательностью и стремлением к серьезной музыке».

«Крупнейший за это лето в Британии фестиваль реггей был отложен из-за угроз национального фронта! Фашисты пообещали «покалечить этих черных»!

Организатор фестиваля Оскар Кэрролл сказал корреспондентам, что за десять дней до начала в его офис стали поступать телефонные звонки. Незвестные голоса обещали «прикончить этих черномазых». Кэрролл информировала полицию, но в полиции ему посоветовали не обращать на эти звонки внимания.

За день до начала концерта телефонная линия звонила непрерывно. Вечером накануне фестиваля к Кэрроллу на улице подошли два человека. Один высокий, рыжеватый, с бакенбардами, второй маленький, лысоватый. Они заявили, что они из национального фронта и что подложат бомбу в зал, где должен состояться концерт. Машина Кэрролла и дверь его квартиры были изуродованы надписями угрожающего содержания.

Кэрролл все же настаивал на проведении фестиваля, но нанятые охранники отказались нести службу, заявив, что некоторые из них уже пострадали во время концерта группы реггей «Блэк Угуру», на котором молодчики из национального фронта устроили форменное побоище. Нанять новых охранников не удалось, поэтому концерт был отложен на неопределенный срок.

«Нью мьюзикл экспресс»,
1981, 22 августа

Спросите любителей музыки, что такое «реггей», и наверняка услышите в ответ: «А это музыка с Ямайки».

Вот об этой то мушкетере и пойдет речь. А для начала прочтем книгу «Великобритания. Лингвистрановедческий словарь» и отыщем ее на странице 3.

В первом столбце читаем: «Реггей — песенно-танцевальная форма музыки индского происхождения с четким ритмом, получила широкое распространение в конце 60-х гг.». Эта маленькая

статья оказалась нам весьма кстати. Изюминкой. Во-первых, отпала необходимость придумывать «реге-стиля «реггей». Во-вторых, как нам кажется, удалось наметить на выбранной теме. В аннотации к книге сказано: «Словарь содержит 9500 английских слов и словосочетаний, обозначающих понятия, связанные с явлениями общественной жизни Великобритании, государственным устройством, образованием, бытом, национальными традициями, национальными видами спорта». Нетрудно догадаться, что для обозначения этих понятий в английском языке существует гораздо больше слов и словосочетаний, в словарь, по всей видимости, вошли наиболее важные и употребляемые. И наличие среди них слова «реггей» говорит само за себя. К английскому государственному устройству или национальным видам спорта реггей отношения, разумеется, не имеет. Зато смело можно говорить об

**А. ЭТО
МУЗЫКА
С ЯМАЙКИ?**

этой музыке как о явлении не только культурной, но и общественной жизни Великобритании, явлении ярком, самобытном, значительном.

В 1513 году начался ввоз рабов из Африки на Ямайку. Сначала испанцы, потом англичане превратили остров в крупнейший невольничий рынок, через который за полтора столетия прошло около миллиона рабов. Оторванные от родной земли, жестоко эксплуатируемые, африканцы были лишены и своей музыки. А ведь в традиционном африканском обществе музыка сопутствует любому более или менее значительному событию в жизни человека, служит важнейшим источником информации и средством формирования общественного мнения, она теснейшим образом связана с различными племенными обрядами. Словом, музыка необходима африканцу так же, как воздух и солнце.

Во избежание «лишних контактов» рабов на плантации подбирали так, чтобы рядом оказывались представители разных племен, говорившие на разных языках. Ритуальная музыка исчезла, причем не только потому, что рабы просто-напросто не понимали друг друга и их праздники не совпадали, но и по той причине, что из-за адски тяжелой работы для праздников не оставалось ни времени, ни сил, ни желания.

Единственное, что объединяло разноязыких рабов, — труд. Роль пения во время работы у африканцев огромна. Стали появляться такие песни и у невольников. Правда, это были совсем не те песни, которые они пели у себя на родине. Там человек, окруженный товарищами, выражал пением свою радость, веру в полезность выполняемой работы, подбадривал себя и других. Рабам же песни нужны были для того, чтобы поддержать силы, не упасть во время работы, — за это надсмотрщики могли забить насмерть. Но важно было то, что африканская музыка возрождалась, продолжала играть важную роль в жизни невольников. «Вопрос, как африканцам вообще удалось выжить в этих чудовищных условиях, становится более ясным, если учесть, что огромная жизненная сила была заключена в их песнях», — писал американский музыковед Лазарус Эквеме.

Доведенные до отчаяния рабы нередко поднимали восстания, в результате которых многим из них удалось вырваться на волю и укрыться в недоступных для порабощителей горных районах. По мере того как росло число беглых невольников, формировались общины, члены которых именовали себя марунами, со своими обычаями, ритуалами, религией. Усиленно насаждаемое на Ямайке христианство прижилось далеко не среди всех рабов, которые видели в христианстве, призывавшем к смирению и послушанию, прежде всего религию своих порабощителей. Маруны с оружием в руках отстаивали свою свободу, боролись за равенство людей независимо от цвета

кожи, за объединение всех чернокожих братьев, против любых форм угнетения. Все эти идеи нашли отражение в музыке. Так родилась музыка реггей. Африканская в своей основе, она впитала также немало элементов музыкальной традиции коренных жителей островов Карибского бассейна. Мелодичная, с четким ритмом, реггей очень скоро покорила сердца ямайцев и стала символом борьбы за свободу и независимость.

В 1962 году Ямайка стала независимым государством, но обретение политической независимости не могло, разумеется, сразу же решить все проблемы, оставшиеся в наследство от долгих лет колониализма. Безработица вынуждала ямайцев уезжать в США и Великобританию. Селились они в отдельных гетто, старались, естественно, держаться вместе, не забывая свои традиции, свою музыку. Реггей зазвучала на окраинах Лондона и Нью-Йорка, в бирмингемских и чикагских трущобах. Поначалу на нее мало кто обращал внимание, да вест-индские иммигранты к этому и не стремились. Долгое время они не имели профессиональных ансамблей, реггей была лишь одной из форм проявления общественной жизни в гетто, что, кстати, еще более усиливало ее сходство с африканской музыкой, характеризующейся ярко выраженной функциональностью. Кроме того, в начале 60-х годов исполнители реггей вряд ли много внимания уделяли чисто музыкальной стороне дела, акцент делался на содержание песен.

Итак, хотя реггей проникла в Америку и Европу, но первые получившие широкую известность исполнители в этом стиле появились на Ямайке. После того как Джимми Клиффу удалось записать в США несколько пластинок и сняться в фильме, к которому он сам написал музыку, Ямайка привлекла внимание крупных фирм грамзаписи: они поняли, что гетто — прекрасный рынок для сбыта подобных вещей. Наибольшую расторопность проявили «Си-Би-Эс» и «Айленд». Они заключили контракты с авторами и исполнителями реггей Питером Тошем и Бобом Марли. Забегая вперед, скажем, что обе компании, по всей видимости, остались этими контрактами удовлетворены, ведь прибыли от продажи пластинок Тоша и Марли они получили немалые. Так появились пластинки Боба Марли, где он призывает африканцев к объединению в борьбе за свои права, и Питера Тоша с осуждением апартеида и расовой дискриминации.

Неважно, где ты живешь,
Если кожа твоя черна,

ты — африканец.

Мы разбросаны по всему свету,
Мы живем в Майами и на Гавайях,
В Англии и Австралии.
Но помни: твои предки
были родом из Африки.

Нас много, и все мы братья! — поется в песне Питера Тоша «Африканец». (Доказательством популярности и «опасности» Боба Марли стало покушение на певца в 1976 году — реакционеры пытались помешать ему участвовать в кампании за переизбрание тогдашнего премьер-министра Ямайки, представителя Народной национальной партии Майкла Мэнли.)

Разумеется, реггей заинтересовались не только дельцы от музыки, но и сами музыканты. Считается, что немалую роль в популяризации реггей сыграл известный английский певец и композитор Кэт Стивенс. Поиски нового в музыке привели его к тому, что он включил в один из своих альбомов песню Джимми Клиффа «Этот жестокий мир». Правда, в версии Стивенса практически не осталось элементов реггей, но мелодия песни многим понравилась. Стивенс дал интервью, в которых очень лестно отзывался о ямайской музыке и даже выразил недоумение по поводу того, что публика до сих пор эту музыку не оценила. Постепенно у реггей появлялись все новые слушатели, и число их росло. В начале 70-х годов Боб Марли предпринял гастрольные поездки по США и ряду стран Западной Европы. Успех превзошел ожидания: крупнейшие концертные залы не могли вместить всех желающих посмотреть и послушать «короля» ямайской музыки. В некоторых газетах даже появились рассуждения относительно того, что реггей начинает завоевывать мировой музыкальный рынок. Однако делать такие выводы было еще преждевременно. Были уже признанные мастера реггей — Джимми Клифф, Питер Тош, Боб Марли, но ведь, кроме них, никто из исполнителей в этом стиле не стал по-настоящему популярен. Некоторые белые исполнители стали использовать в своей музыке элементы реггей, но делали это лишь для того, чтобы несколько разнообразить собственный музыкальный материал. В популярном английском музыкальном еженедельнике «Мелоди мейкер» стал появляться отдельный хит-парад пластинок в стиле реггей, и это было свидетельством того, что эта музыка получила признание, но лишь у ограниченной части слушателей. Пластинки с записями реггей почти никогда не появлялись в «общих» хит-парадах, а такие имена, как Тайрон Дэвид, Доктор Алимантадо, Дженет Кей, Джей Мак, широкой публике были по-прежнему неизвестны.

В 1978 году в Англии вышла в свет книга, в которой подробно прослеживается путь, пройденный популярной музыкой за четверть века, рассказывается о разных стилях и исполнителях, а вот о реггей сказано мало. Что музыка эта родилась на Ямайке, что содержит много африканских элементов. И далее: «Единственным исполнителем музыки реггей, добившимся настоящей международной популярности, был и остается Боб Марли». Так что говорить о «широкой популярности» реггей было еще рано. Но уже в 1980 году хит-парады

пестрели названиями пластинок в стиле реггей. Более того, ансамбль «Ю Би 40» был признан лучшей новой группой года. За год во всех музыкальных газетах и журналах появилось столько статей о реггей, сколько, наверное, не было напечатано за все предыдущие 10 лет.

В чем же причина того, что западная публика все же обратила внимание на реггей? Появилась тяга к чему-то новому, необычному? Вполне возможно. А реггей этим требованиям как раз отвечает, тем более что исполнительский уровень многих ансамблей и солистов заметно вырос. Но, кроме того, теперь уже многих привлекают именно тексты песен.

Бунтовать против буржуазного общества в музыке пытались не однажды. Последними это пробовали сделать панки. Но их протест носил сумбурный, нигилистический характер, а потом и вовсе захлебнулся в потоке ругательства и проклятий по адресу всех и вся. Исполнители же реггей, напротив, с годами все более точно адресуют свой протест. Их песни говорят о том, что в мире капитала тяжело приходится не только людям с черным цветом кожи, что расовая проблема тесно переплетена с классовой. Песни о безработице, инфляции, отчаянии и безысходности близки и понятны большинству слушателей, в том числе и белых. Реггей исполняют уже не только на традиционных фестивалях «Рок против расизма» и «Рок против апартеида», но и в рамках кампаний в поддержку борьбы народа Северной Ирландии, на митингах протеста против распространения и использования ядерного оружия.

Реггей можно назвать и своего рода учебником истории. Один из членов группы «Иклайпс» сказал в беседе с корреспондентом «Мелоди мейкер»: «Раньше я знал лишь то, что приехал в Англию с Ямайки. Теперь этого мало. Мы стремимся более подробно восстановить свою историю. Каждый должен знать свое прошлое, знать свою культуру, испытывать национальную гордость. Кое-кого это мало интересует, но мы с помощью реггей намерены нести людям правду». Этими словами выражена в сжатой форме одна из основных идей реггей. Рассказать об истории Африки, о могучих государствах с высокой культурой, существовавших на Черном континенте, о героической борьбе с колонизаторами — так представляют свою задачу исполнители этой музыки.

И хотя некоторые по-прежнему видят решение чуть ли не всех проблем в возвращении в Африку, реггей отстаивает другую точку зрения: бороться с расизмом нужно там, где он существует. И черная молодежь борется, используя в качестве оружия свою музыку.

Одна из важнейших форм популяризации реггей — специализированные дискотеки, которых в одном лишь Лон-

доне уже более ста. Большой известностью пользуется дискотека Чаки, выходящая с Ямайки. Так вот, Чака, например, считает, что такие дискотеки еще более важны, чем концерты и пластинки исполнителей реггей. «Наши дискотеки отличаются от других тем, что к нам люди приходят не просто потанцевать, — говорит он, — каждый вечер в такой дискотеке — это своего рода политзанятие, здесь люди формируются идейно. Те, кто увидел в реггей лишь модную музыку, не задерживаются у нас и предпочитают посещать дискотеки, где можно покататься на роликовых коньках и все такое. Но к нам постоянно приходят новые люди. Приходят для того, чтобы здесь найти ответы на интересующие их вопросы». Характерной особенностью подобных дискотек является то, что диск-жокеи считают обязательным комментировать тексты песен, и тогда танцевальная площадка превращается в дискуссионный клуб.

Боба Марли уже нет в живых, весной 1980 года он умер, но его ансамбль «Уэйлерз» собирается продолжать выступления. По-прежнему активно работает известный композитор, поэт, певец, борец за права национальных меньшинств в Великобритании Линтон Квеси Джонсон¹. Большим успехом пользуются сравнительно недавно созданные ансамбли «Стил палс» и «Блэк слейт».

Но, пожалуй, наиболее значительным событием в мире реггей стало появление уже упоминавшегося ансамбля «Ю Би 40» — так называется бланк, который английские безработные заполняют на бирже труда, становясь на учет. В виде этого бланка оформлена первая долгоиграющая пластинка «Ю Би 40». Название это выбрано не случайно, оно вполне соответствует тематике песен ансамбля. Большинство участников «Ю Би 40» — белые. И это служит наглядным подтверждением всевозрастающего интереса к реггей. Потому что темы, которые затрагивает эта музыка, волнуют и тревожат всех независимо от цвета кожи. Пример тому — песня с пластинки Боба Марли «Исход». Ее пели молодые англичане во время летних маршей против безработицы:

Большая рыба жрет мелкую
рыбешку,
И она всегда найдет оправдание,
Чтоб убивать и жрать.
И только мы сами,
Которых большие рыбы
считают мелочью,
Можем им помешать.

Л. ЗАХАРОВ

¹ «Ровесник» писал о нем в № 1 за 1980 год. (Примеч. ред.)

Джек Яртли — специалист по траве. Но это определение столь же бестактно, как если бы мы назвали Пьера Кардена портным, а Сассуна — парикмахером. Мистер Яртли ухаживает за известнейшим газоном мира — газоном на теннисном корте в Уимблдоне. Он трудится над ним ровно 50 недель в году. Каждый раз он начинает свое дело в первый понедельник июля и заканчивает его в середине июня следующего года. В последующие две недели газон Джека Яртли безжалостно топчут триста пятьдесят теннисистов. А ему вот уже тридцать лет не остается ничего другого, как смиренно принимать это ниспосланное судьбой испытание.

Когда соревнования по теннису устраиваются в Риме или Гамбурге, их организаторы несутся до упаду, пытаясь залучить звезд тенниса, ибо их участие привлекает зрителей. А вот в Уимблдоне в начале 70-х годов, когда сорок лучших теннисистов бойкотировали турнир, число зрителей было почти рекордным — 306 161. Они пришли, чтобы спасти престиж турнира. Газета «Гардиан» написала тогда: «Только во времена больших бедствий, которые переживала наша страна, проявлялась такая сплоченность!»

Единственная английская газета, которая в течение этих двух знаменательных недель не расписывает блестящие подачи Борга, Коннорса или Макинроя, называется «Уимблдонские новости». Только «Уимблдонские новости» могут позволить себе писать в это время о том, например, что площадь перед кортом можно использовать как стоянку автомашин и полученные деньги пустить на приобретение нового органа для близлежащего собора. Только «Уимблдонские новости» могут позволить себе поругивать (правда, в умеренном тоне) многочисленных зрителей за тот мусор, который они оставляют после себя, и сетовать на неудобства, которые в течение четырнадцати дней выпадают на долю обитателей соседствующих с клубом домов. Потому что в дни соревнований ежевечерне перед воротами клуба образуется очередь болельщиков, которые прибывают сюда с одеялами, спальными мешками и раскладными стульями, чтобы на следующий день ровно в полдень, в момент открытия касс, ухватить последние 300 билетов, не поступивших в предварительную продажу. Они едят, пьют и спят здесь иногда целую неделю.

А началось все 23 июля 1868 года. В тот день на редакционном заседании журнала «Филд» было решено основать клуб любителей крокета. В 1875 году возник филиал клуба, члены которого могли позволить себе потогонное удовольствие — игру в теннис.

В 1877 году произошли события, затронувшие всю Британскую империю: вдовствующая королева Виктория стала императрицей Индии, и клуб в Уимблдоне изменил свое название на Всеанглийский теннисный и крокетный клуб. К тому времени единственная

клубная машина для укатки газона развалилась. Начались споры, за чей же счет ее ремонтировать. Разумеется, средства для ремонта катка можно было бы найти, но дискуссии велись из принципа.

Велись они до тех пор, пока некий мистер Уэлш не предложил организовать теннисный турнир, а сборы от него использовать на ремонт катка. Турнир начался в понедельник 9 июля, а закончился после всякого рода перерывов 19 июля победой Спенсера Гора над 21 конкурентом. На финальных поединках присутствовало около 200 зрителей. Казначей клуба насчитал прибыль, составившую 10 фунтов.

В 1922 году архитектор Стэнли Пич начал строительство Центрального корта с трибунами на 15 тысяч зрителей. Каток, к тому времени отремонтированный, доставили на стройку до того, как возвели стены: ведь газон нужно было приготовить к моменту открытия. Несколько позже вдруг обнаружилось, что ворота чуть-чуть узки, а каток чуть-чуть широк, чтобы его можно было через эти ворота выкатить. Так и осталось стоять это «чудо техники» на Центральном корте, соседствуя теперь с электронным табло.

Расходы на строительство стадиона, составившие 140 тысяч фунтов, были покрыты за счет продажи членских карточек стоимостью 50 фунтов каждая. Владелец такой карточки пожизненно имел право на получение 2 билетов на каждый из 12 дней соревнований Всеанглийского чемпионата по теннису. Увы, карточки не переходят по наследству, и это обстоятельство в значительной степени оживляет ход дел на черном рынке. В дни финальных соревнований билеты стоимостью в 5—8 фунтов продаются в сто раз дороже — нет других акций, которые приносили бы такой доход.

В одной из комнат правления восседает мистер Горриндж, секретарь. В клубе 350 членов, сообщает он. Бюджет складывается из доходов, получаемых

Ульрих КАЙЗЕР,
западногерманский журналист

ГАЗОН — СВЯТЫНЯ?

от турниров. А вообще-то говорить о доходах не принято, ибо «это может вызвать зависть», — говорит мистер Горриндж и позволяет себе улыбнуться. Это он пошутил так, а вообще-то ни в Уимблдоне, ни по поводу Уимблдона в Англии не шутят. Как-то не принято.

Впрочем, эти жуткие современные нравы начали уже проникать и сюда. Молодой герцог Кентский, почетный президент клуба, позволил себе снять пиджак и закатать рукава рубашки! А ведь каждому известно, что все зрители, присутствующие на турнире, должны встать, когда это делает член королевской семьи, если даже он привстал для того, чтобы снять пиджак.

О времена, о нравы! Про то, как

изменились теннисисты, и говорить нечего. Где былое джентльменство? Например, американец Макинрой во всеуслышание заявил, что «всю эту чертовню с травкой и королевской ложей взорвать пора». Узнав о том, мистер Яртли только головой покачал: ох уж эти американцы. Ну прямо дети. Потом погладил траву, лег на бок и критическим взглядом окинул газон, проверяя, точно ли каждая травинка высотой в три шестнадцатых дюйма, то есть в 4,8 сантиметра. Мистер Яртли вздохнул с облегчением: ни одна травинка не высывалась. Пока все в порядке в королевстве Британском.

Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

Но нет, не получилась история со счастливым концом о порядке в королевстве Британском. Только мы, дорогой читатель, собрались поставить точку, как пришло известие, что 62-летний Джек Яртли стал безработным: его уволили, предложив ему одновременно освободить квартиру в доме, принадлежащем клубу, где он прожил 32 года.

Говорят, что сейчас пробуют корт с искусственным покрытием. Правда, у этого эксперимента есть один недостаток: Уимблдон, при упоминании о котором весь теннисный мир впадал в глубокую сентиментальность, больше не будет Уимблдоном.

ПРЕЗИДЕНТ АЛЬЕНДЕ

1. Нет, тебя не забыли,
Президент наш Альенде,
Жив ты в памяти нашей,
Жив ты в наших легендах.
- Правду и справедливость
Народу Чили принёс ты.
Как просто говорил ты,
Как встретил гибель просто.

Клятва нерушима
Патриота-чилийца.
Нет, тебя на колени
Не поставил убийца.

Припев:

Патриоты —
Борцы за свободу Чили —
Тебя помнят навеки,
Любят, как любили.
Твое имя —
Трёхцветный стяг свободы.
Ты, президент Альенде,
Символом стал для нас.

2. Сальвадор — такое
Дается имя мальчишкам,
Чтоб трубило к бою
И на подвиг звало;

Имя — символ сражений,
Имя — символ свободы,
Имя — символ победы,
Имя — символ народа.

Имя — символ бессмертия.
С ним в село и в столицу
Воля вновь возвратится,
Возвратится, поверьте.

Припев.

Песню Серхио Ортеги «Президент Альенде» в редакцию прислали участники клуба «Друзья Чили». О работе этого клуба, который объединяет чилийских патриотов, живущих в Чехословакии, мы уже писали в «Ровеснике» № 9 за 1980 год. Русский текст песни Ю. ДЕНИСОВА.

PRESIDENTE ALLENDE

- C Dmi7
1. Presidente Allende
G7 Emi7
vivo en la memoria
Ami7 Dmi7
de la patria toda,
G7 Emi7
del pueblo chileno.

Ami7 C Dmi7
Siempre nos dijiste
G7 Emi7
con palabra clara:
Ami7 Dmi7
por tu amor a Chile
E7 F
tu vida entregabas.

A7 Dmi
Duro juramento
G7 C
de patriota ardiente.
Ami H7
En el cruel momento
E7 Ami
fuiste hasta la muerte.

Припев:

C7b F
Y por eso,
F# C Gmi
en cada hogar chileno
A7 Dmi7
tu memoria gigante
G7 C
siempre florecerá.
C7b F
Tu bandera
F# C Gmi
el tricolor querido
A7 Dmi7
envolverá tu nombre,
G7 C
nombre de libertad.

2. Por llevar tu nombre
que es canto y hazaña,
los niños de Chile
Salvador se llaman.

Junto al gran O'Higgins,
junto a Balmaceda
tu glorioso ejemplo
en la patria queda.

Y esas Alamedas,
que tu nos dijiste
se abrían para siempre
para el hombre libre.

Припев.